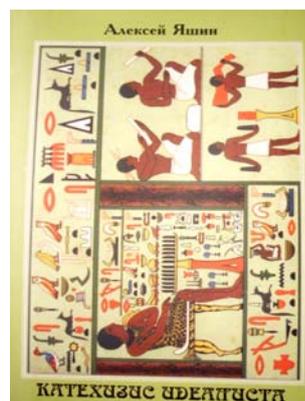

К 100-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Алексей Яшин
(г. Тула)

**КАТЕХИЗИС ИДЕАЛИСТА:
РОМАН-РАЗМЫШЛЕНИЕ***

ФИЛОСОФСТВОВАНИЕ О ЦЕЛИ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ЭВОЛЮЦИИ ВООБЩЕ

И слава бывшему богу, как ерничают наши агитпроповцы, что мне не суждено увидеть достижение нашей цели. Но как притягательно в редкие часы ничегонеделанья этак вольнолюбиво поразмышлять о высших целях человечества. В чем они? Понятно, не в накопительстве, не в проклятой частной собственности. Ах, какая же зараза! Но биология дело серьезное. Мы тридцать пять лет прилагали и сейчас прилагаем невероятные усилия для искоренения частнособственничества. Да, мы заставили этот инстинкт уйти в глубокое подполье человеческого мышления. А чтобы загнать его туда пришлось ввести государственную собственность на все. Без какого-либо исключения. Оставив только ничтожное число единоличных крестьян и мелких ремесленников. Почему оставили? Во-первых, есть люди, где-то один-два на сотню населения, у которых аллергия на коллективный труд. Наказывать их вроде не за что, а переубедить нельзя. Пускай их! Во-вторых, в нашей огромной, неравномерно населенной стране есть места, где и колхоз не из кого организовать, и «холодный» сапожник один на два десятка верст. Единоличники поневоле, так сказать. Да, еще некоторым зубным врачам дозволено по патенту сверлить-работать. Но это мировая привилегия зубодеров.

Но вот загнать-то загнали в подполье, в подсознание, как говорил давным-давно академик Бехтерев, но как закрепить? Для этого и ста лет явно недостаточно. А без закрепления будет постоянно довлеть угроза контрреволюции.

Несомненно, одна из целей цивилизации и вообще развития, эволюции человека и есть избавление, полное уничтожение в себе частнособственничества. То есть, на самой вершине своего совершенствования человек вернется в каком-то смысле в свое детство. Это как старики впадают в детство. А человечество-то начинало свой путь с

* Продолжение, начало в № 1, 2017 «ПЗ». С полным текстом романа читатели могут ознакомиться на сайте «ПЗ» www.pz.tula.ru; раздел «Библиотека журнала «Приокские зори». Стихотворения юного Джугашвили в романе в переводе Владимира Резцова.

сугубо, хотя и родового, племенного, но коллективизма и общинной собственности. Даже при феодализме это в определенной степени соблюдалось, ибо князья, графы, бароны и прочие поместные властители владели замками и землями с пахарями, городами с ремесленниками и купцами, но это была не частная собственность на все, но предтеча собственности государственной. То есть, человек докапиталистический, как и наш социалистический, тем более будущий, коммунистический, твердо стоял на ногах и думал головой, на то ему природой и даденной. Но человек капиталистический, особенно в высшей его империалистической стадии, есть полный идиот, у которого все естественное наглухо перебито одной лишь жаждой накопительства любым путем. Этот их *business* не щадит никого: если надо — сестру в публичный дом продаст, отца в тюрьму посадит, мать в богадельню сдаст, друзей предаст, тем более перед убийством не остановится человек капиталистический. Значит, он стоит на голове, а думает желудком ненасытным. Сам я придумал или читал-слышал? А-а, неважно.

Вот почему у нас *ни-ка-кой* частной собственности быть не может. Ведь уже после *НЭП* а правая оппозиция, профсоюзники, Томский со своей компанией, даже всегда державший нос по ветру власти Бухарин, что-то вякали насчет пользы ограниченной частной инициативы, строго контролируемой собственности. Дескать, надо дать послабление в мелочной торговле, ширпотребовском ремесленничестве... Да-да, дай только поблажку: коготок увяз — всей птичке пропасть.

Но все же, говоря высоким философским штилем: какова цель цивилизации и самооправдания существования человека? Философия, философия... Она тоже такая разная. В революционно-подпольной молодости все мы были поглощены, целиком охвачены марксизмом с его немецкими корнями и — в определенном смысле — ветхозаветным, иудейским фатализмом. Последнее не только и не столько от раввинского происхождения и воспитания Маркса. Просто к середине прошлого века классическая германская философия, которая по провидческим словам классика вместе с Людвигом Фейербахом подошла к своему концу, исчерпала свой доселе могучий потенциал. Как это ни покажется странным, но эта классическая философия мощно взрастала в Гейдельберге, в Кенигсберге, вообще в «Германии туманной», когда имела определенную свободу выбора. А как только Гегель все расставил по полочкам, все свел к железной логике диалектики, все расписал в своих многотомных философских энциклопедиях логики, религии, права и так далее, то свободы выбора-то и не стало. Приток свежих умов упал. Это как у нас в первые послереволюционные годы: поначалу — вольница, все в восторге в революцию идут: братишки в бушлатах, перепоясанные пулеметными лентами, мастеровые в чуйках и с винтовками, пехота, только что было дезертировавшая с позиций, бывшие местечковые обитатели из-под Пинска, Рошелей, Лохвиц, Витебска, из Одессы и Кишинева в кожанках, при маузерах. Затем централизованное укрепление законопорядка, дисциплины — и каждый уже при своем деле: субординация, четкие команды и их исполнение. Новая власть пришла и укрепилась надолго. Вольница закончилась.

Вот Гегель повязал германскую философию логикой — и иссякла классическая философия. Но опять же природа не терпит пустоты, а по-русски: свято место пусто не бывает. Поэтому взятый германскими умами мыслительный разгон растекся ручьями и ручейками: от европеизированной каббалы до нищезанятия. Из этой невообразимой мешанины немецкой классики и хаоса волонтаристских надстроек вышел в первой четверти двадцатого века и наш пролетарский марксизм-ленинизм, и германский нацизм, да и итальянский фашизм.— Все те философские практики, которые история и избрала для проверки жизнестойкости той или иной вариации социализма.

А старейшие философские традиции Франции и Англии уже к последней четверти предыдущего века выродились в идеологическую служанку — и проститутку по

совместительству — буржуазного строя, а в Англии и Северной Европе — в самого зловещего, потребительско-накопительского протестантского, особенно кальвинистского, капитализма.

Самая молодая, невезучая и доселе невостребованная третья отрасль европейской философии, конечно, русская. Точнее — русский космизм: от Розанова, Федорова, Флоренского до активных участников создания нашей советской науки — Константина Эдуардовича Циолковского из патриархальной купеческой Калуги и академика Вернадского.

...Конечно, масса всяких восточных философий, черт ногу в них ломает. Тогда уж и всякую эзотерику следует воспринимать и космогонические фантазии Жоры Гурджиева... его «Беседы Вельзевула со своим внуком» до трети страниц так и не смог дочитать. Пусть их восточные люди и исповедуют, эти восточные философии. Вот Мао Цзедун заменил конфуцианство марксизмом, но когда-нибудь наряду с Марксом и Лениным уживется в Китае и воскресший Конфуций. Как в Японии 20-х—40-х годов древний синтоизм не мешал спускать на воду авианосцы и бомбить Пирл Харбор. Словом — кесарю кесарево, а нам бы в своей европейской корзине разобраться.

Как же наши-то, европейские философы трактуют цель и оправдание создания природой человека?

Германская диалектика с историческим материализмом Фейербаха и опирающийся на них наш марксизм-ленинизм отвечают на этот сакраментальный вопрос просто: совершенствование человека во времени бесконечно, финальной цели не имеется, а само совершенствование — движение регулируется тремя правилами диалектики Гегеля. И все. Наш упрощенный во всех отношениях марксизм, что называется для широких и неискушенных в умственных упражнениях масс, за цель декларирует построение коммунизма по раннему, несколько фантазирующему Марксу: деньги переплавим на золотые унитазаы,* от каждого по способности, каждому по потребности,** никаких классов кроме школьных, полная гармония интеллектуального и физического труда... словом, и волжак рядом с овечкой. Этого пока нам достаточно. А мне? Поздно на старости лет начинать философствовать. Да еще если пока не собираюсь уходить с хозяйства на территории 1/6 части суши и вообще трети мира с соцлагерем.

Поручить нашим ученым умам в академических ермолках? Лаврентий возьмет под козырек, засекретит, соберет их на полном гособеспечении в спечакадемгородке и — так они такого наворотят, по привычке оглядываясь на «Краткий курс», что чертям в аду и ангелам в раю станет тошно. Разучились на академпайках и руководящих указаниях от ЦК думать.

В оплоте классической философии, в разделенной Германии не до умствований. В *нашей* неметчине народ бодро строит социализм. Благо это им-то несложно, уже один при фюрере построили, навыки имеются, только и пришлось антураж слегка сменить: фольварки в кооперативы сельскохозяйственные переименовать, полицию в фольксполицию, заводы-бетрибы в фольксбетрибы, «Майн кампф» заменить на «Капитал» и полные собрания сочинений Ильича и мои. Впрочем, мои еще не все напечатаны, политиздат только до двенадцатого тома дошел.

* Невольная параллель: все же наши «олигархеры» в период накопления первых миллиардов, бандитские авторитеты и крупно хапающие высокие чиновники вспомнили-таки студенческие лекции и семинары по научному коммунизму и завели себе золотые и серебряные унитазаы.— Прим. авт.

** Заметим, что ограниченный эксперимент по реализации этого силлогизма Маркса — единственный в мире и истории — был проведен в 60-х—70-х годах в Баренцбурге на Шпицбергене, на территории поселка советской угольной концессии «Арктикуголь». Автор достаточно беседовал об этом эксперименте с бывшими шахтерами-концессионерами.— Прим. авт.

А западные немцы настолько запуганы оккупантами, особенно французскими — за их позор во Второй мировой, только-только по репарациям расплатились, а теперь Израилю, созданному мною — как же я обмишурился? И на старуху бывает проруха — пожизненную контрибуцию выплачивают, так что им еще долго не до философствований будет.

О протестантской философии накопительства ничего сейчас, даже по прошествии почти ста лет с момента ее буржуазного переоформления, нового сказать нельзя: служанка, проститутка и наемный адвокат. Этой псевдофилософии доллара и фунта стерлингов некогда и незачем размышлять о цели цивилизации и предназначении человека. Главная задача этих «*философов*» — обоснование безудержного накопительства. Тьфу! Противно о них и думать.

Проще антибуржуазным, маловлиятельным западноевропейским течениям. Те же экзистенциалисты: уже под сто лет от Кьеркегора, которого в семинаристские еще годы читал, и доморощенного Льва Шестова до нынешних Хайдеггера с сотоварищи — им все яснее ясно: путь человека в никуда. И нечего голову ломать. Сейчас же во Франции их молодая поросль появилась, литературная: Сартр, Камю, их единомышленники. Что ж, в литературной, беллетристической форме легче головы людям дурить.

Не особо размышляют о предназначении человека в чем-то схожие с экзистенциалистами и левые нынешние европейские марксисты: Георг Лукач и Маркузе. Все то же у них от смысла слова «экзистенца» — существую и достаточно этого. Только с добавкой: существую и борюсь. Но борьба без цели — это главный лозунг Троцкого. И получается, что дело Иудушки живо не только в старых его кадрах в Европе, Америке и тайных у нас, но его по сути пропагандируют и левые марксисты? Нд-а-а, пора бы товарищу Горезу активизировать своих идеологов. И Тольятти следует со своими коммунистами-анархистами поработать. С ума сойти с таким хозяйством. Это я о себе.

Куда ни кинь взгляд в историю — нынешнюю, прошлую и даже будущую,— всюду натыкаешься на сплетенные Иудушкой паучьи сети. Вот и с русскими философами, особенно космистами. Ведь именно он, паскуда, уговорил уже больного и не совсем понимающего в реалиях политической жизни Ильича организовать «философский пароход». Грех некоторый на мне, не до философов было, текучка заела, тоже согласился тогда. Дескать, попугачиков малонадежных с возу — кобыле легче.

А вот еще в конце тридцатых и в конце сороковых все чаще стал вспоминать о том пароходе. Ведь если двое лишь из оставшихся в стране, да и то не из «громких» имен, так сказать, младшего поколения,— Циолковский и Вернадский — так много нам пользы принесли? Да-да, практической и научной пользы, не пустопорожного разглагольствования. Константин Эдуардович, будь он в двадцатые-тридцатые помоложе и не потеряй слух, да отбрось свою провинциальную скромность, будь настойчивее, боевитее, так опередил бы самого Вернера фон Брауна. И не немцы бы Лондон и Ковентри своими «фау» забрасывали, а мы Берлин, Гамбург и Киль.

А провидческий гений Владимира Ивановича в части созданной им теории биосферы и ноосферы — то есть будущего человечества — еще не пришло время оценить. Не говоря уже о созданной им практической науке биогеохимии. Ха-ха, молодец такой был Вернадский, в чем-то на Павлова похожий. Этот демонстративно крестился в советских присутственных местах и на пиджак вешал попеременно советские и царские ордена, а Владимир Иванович как до революции, так и после нее работал себе и работал, совершенно искренне особо не замечая какой строй за окном его лаборатории и кабинета. Ни разу в своих книгах не то что осанну советской власти не воспел, а слова «материализм» не употребил! Уважаю работающих, мыслящих и не лебезящих перед властью людей.

Как же он замечательно в научной прессе припечатал этого идиота, академика Деборина, попробовавшего залаять на него! И кто же Деборину команду дал? Для того мы и держим таких идиотов от общественных наук, чтобы они лаяли на настоящих врагов, а не на полезных, хотя бы и независимых людей.

И не вышли Иудушка из страны цвет нашей философской, общественной, естественнонаучной мысли, так сейчас бы не пришлось содержать на повышенном жалованье эту орду бездельников, карьеристов и — подозреваю — скрытых троцкистов, угодливых, лицемерных, держащих кукиш в кармане. Презент, Деборин, Берг... Пофински прямолинейный Куусинен, хотя Отто Вильгельмович и хороший человек.

А наши философы, останься они в СССР, презирая в душе троцкистских выкормышей и дельцов от общественной и иной науки, составили бы здоровую, патриотическую альтернативу марксизму. Не враждующую, а как это у западников говорят? — Да, конструктивную альтернативу. В конце концов и наш кондовый марксизм ума бы набрался у наших философов, и они бы «подтянулись» к диалектике. В итоге к сегодняшнему дню мы бы впервые в истории России-СССР имели бы философскую, естественно-философскую научно-практическую школу мирового уровня. Конечно, марксизм-ленинизм — самое передовое учение на планете, но... несколько однобокое.

Все, все наперед тогда знал Троцкий, в уме ему не откажешь. Умный враг — семижды враг. Вот и обрезал нашу науку по самым вершкам и корешкам. Как же он ненавидел наш народ! Нет, надо со временем как-то увековечить Рамона Меркадера. В том числе и за долгую мексиканскую тюрьму.

Вот кто задумывался, нет, постоянно думал о цели цивилизации, о предназначении человечества, так именно наши космисты. Особенно Николай Федорович Федоров. Надо же? — Скромнейший служитель в Румянцевской библиотеке... Такими они и были: и Федоров, и Циолковский, и другие. Как вчера было: доставили по его распоряжению из управления КВЖД только что изданную в Харбине «Философию общего дела». Отложил на пару дней все дела и читал.

...А лет через пять попался в руки сборник работ Вернадского о биосфере и ее будущем. Но домыслить тогда не позволило наступившее тревожное время, потом война... словом, не до выяснения цели эволюции было, выжить бы стране.

Цель же человечества Федоров и Вернадский определяют вполне ясно, научно и основательно, хотя и каждый по-своему. Федоров литературно, Вернадский сугубо научно, хотя и замечательным русским языком, без псевдонаучных выкрутас, без наукообразия того же Деборина и Презента.

Во многом эта цель гармонирует и с марксистской идеологией. Только в марксизме — коммунизм, а у космистов — общее дело. Впрочем, это одно и то же. Главное — в достижении цели она не оправдывает средства ее достижения. Потому и общее дело, потому коммунизм. И нет деления на прошлое, нынешнее и будущее. Даже самое далекое — не то что по векам и тысячелетиям, но и по миллионам лет. Будущее это каким-то образом смыкается с прошлым; жизнь на Земле не имеет начала и конца в обыденном понимании. Но это в случае, если человек выйдет в космос. Даже не в прямом смысле, хотя это и не исключается, но осознает себя частью общего для всех жизней во Вселенной космоса. Как это Циолковский называл? — Да, животный космос.

Для буржуазной же науки, даже для лучших ее представителей, скорее свойственны финализм, то есть, окончание рода человеческого на Земле, завершение, так сказать, его биологической и социальной миссии. Здесь вариантов столько, сколько думающих о финале голов. От космической катастрофы вроде стократ увеличенного тунгусского метеорита до всемирной бойни N-ской мировой войны до последнего бойца. Это как Гитлер в апреле-мае сорок пятого требовал: до последнего мальчишки-фаустпатронника из гитлерюгенда.

Наиболее умные из них все больше склоняются к вырождению человечества снова в обезьян. «Голыми мы в этот мир пришли, голыми и уйдем»,— библейское. А медики напирают на пандемию абсолютно смертоносного вируса. Кстати, селекционированного самим же человеком. А ну их, эти страсти, не к ночи будь вспомянуты! Да еще и сам с простудой, быть может, вирусной...

А завидую я все-таки, хотя и втихомолку, всем этим мечтателям а академических шапочках-ермолках, что за пожизненное повышенное жалованье, квартиры в «высотках» и ордена к юбилеям в свое удовольствие размышляют о светлом будущем. Наши-то все больше напирают на правоту марксизма-ленинизма-сталинизма... бог с ними, пусть мое имя используют; да хоть имя Ворошилова, веселого Булганина — главное чтобы без упоминания Троцкого было.

Вот уйду на пенсию и определюсь академиком по разделу мечтаний-размышлений о будущем человечества!

РУССКАЯ, СОВЕТСКАЯ НАУКА. КОСМОС И БЕСКОНЕЧНОСТЬ МИРА

Мечтать не вредно, как говорят в Одессе. Особенно на всем готовом. Может, это и есть одна из земных, материальных, так сказать, причин того, что в средневековой Европе большинство ученых-мечтателей по совместительству являлись монахами, священниками? Даже епископами, как Николай Коперник. А что не мечтать? — Амуничка казенная, харч тоже, даже не всегда постный, есть и дни разговения. И для организма польза.

Астрономия и космогония — самые мечтательные из наук. В Курейке, в седьмой своей ссылке, нашел у сожителя — Якова Свердлова тонкую книжку, брошюру, кажется, из серии «Жизнь замечательных людей»*, о Блезе Паскале. Сугубый практик по жизни, Яков Мовшезович сам удивлялся: как и где она попала в его дорожнокаторжный сундучок? Но разъяснила хозяйка их избы Перепрыгина: дескать это не нынешний ее постоялец Яков книжку привез с собой, а лежала она у нее в доме от давнишних «постояльцев» — еще после японской войны и бунтов на материке: Слава-эсдэк и Ваня-эсер**, что часто ругались «за политику»...

В брошюре — комментированная автором биография Паскаля и некоторые его изречения-афоризмы. Особо запомнилось: «Меня страшит бесконечность и тишина бездонного космоса».

Сразу живо вспомнилось далекое, а с другой стороны — по медленности и тягучести ссыльного времени, — вроде и не очень время юности, когда после исключения из семинарии работал подсобником вычислителя-наблюдателя в Тифлисской физической обсерватории. Год с небольшим работал, пока по мою душу охранка с обыском в обсерваторию не нагрянула. Так началась моя подпольная жизнь...

* Обычно создание серии «ЖЗЛ» приписывают Горькому. Но Алексей Максимович только ее возобновил (как и «Литературную газету»). Серия же издавалась еще до революции, издателями — если не ошибаюсь — братьями Сабашниковыми в виде тоненьких брошюр карманного формата. Стоили они гривенник-пятиалтынный и были рассчитаны на гимназистов старших классов и особенно на учащихся реальных училищ; посвящались великим ученым.— Прим. авт.

** Действительные обстоятельства и реальное историческое лицо: Баланюк Иван Евдокимович, дед моей жены. С 1906 года активно участвовал в эсеровском движении, был выслен в Вологодскую губернию, затем в Курейку. Отбыв срок, в 1913 году окончил в Москве Константиновский межевой институт. Работал землеустроителем-геодезистом, после Октябрьской революции — начальником милиции в станице Павловской (Краснодар), нотариусом, старшим землеустроителем краевого земельного управления Азово-Черноморского края (1929—1938 гг.). В ежовщину арестован по ложному доносу и расстрелян 07.03.1938 г. в Краснодаре (См.: Книга памяти жертв политических репрессий в Тульской области 1917—1987 гг. Т. 3.— Тула: Гриф и К, 2006.— С. 124). В вологодской ссылке Иван Евдокимович проживал в одной избе со ссыльным же Скрябиным, то есть Вячеславом Михайловичем Молотовым... Истинно мир тесен.— Прим. авт.

Часто приезжавшие из Москвы, Харькова и Новороссийского университета приват-доценты и профессора, особенно летом, с интересом на меня посматривали, узнав что Сосепо — несостоявшийся поп, изгнанный из семинарии по политическим своим увлечениям. А один из харьковских доцентов даже подарил ему втихую пару книжек, кажется Кропоткина и что-то народовольческое.

Как-то прочитал ему пару своих, пятилетней давности, еще семинарских стихов. Особенно доценту Карпухину понравилась строфа:

*Ты, как всегда, в серебряном сиянье
Без усталости над сумрачной землей
Плыви, пронзая тучи мирозданья
И разгони туман и мрак густой.*

«Мечтатель ты, Иосиф. И поэтом будешь значимым. Космическое у тебя мышление. Это замечательно. Работай и дальше в обсерватории: наука, поэзия... и революция, конечно,— все это хорошо совместимо. Главное — чаще смотри на звезды, сопоставляй преходящее, часто суетное земное и вечное небесное».

...Когда в тридцать восьмом Лаврентий разгребал навороченное пьяницей и извращенцем (а ведь из слесарей, из самых пролетариев!) Ежовым, то работал рьяно. Понятно, что и себя старался показать на новом месте, но мой приказ в первую очередь вернуть из лагерей и тюрем ученых, конструкторов, инженеров и армейских командиров исполнял скоро и толково. По два-три раза на день приходил со списками на освобождение и возвращение по прежним местам работы и службы.

В одном из списков по научной части остановил карандаш напротив фамилии Карпухин: те же инициалы, из Харькова.— И утвердил, далее не читая, весь список, хотя Берия и лопотал что-то о сомнительных, но умолк на мои слова: «На добро добром отвечают». Без пояснения.

Но уже скоро мне пришлось любоваться звездами только во время ссылок, а когда они закончились, то и вовсе времени на них не осталось. Не космос и *бесконечность* мироздания, а наука, дающая практический выход, без которой стране не устоять в этом, уже *конечном*, злобном и агрессивном мире — вот что меня занимает уже тридцать с лишком лет. Словом: практика есть критерий истины. Истины выживания, истины построения социализма. Пусть даже в отдельно взятой стране. Не по Марксу. Впрочем, уже и не в одной. Хотя бы даже, исключая Китай и Корею с Вьетнамом, остальной наш соцлагерь — европейский — и держится нашей волей и штыками. В чехлах, правда. И дай бог их оттуда не вынимать. Это как опытная мать тщательно пеленает свое дитя, пока не подрастет немного и научится своими ручками-ножонками владеть. Чтобы себя же случайно не поранить.

От прежнего режима мы получили добротную науку, и за предельно короткий срок лапотная Россия семимильными шагами догоняла невообразимо далеко вырвавшуюся вперед Европу и Америку. Чего стоят открытия Менделеева, Попова, Долово-Добровольского, Умова, математиков Бугаева, Лузина, Цингера и Некрасова. Тогда же взяли научный разгон Вернадский и старший из братьев Вавиловых — жалко не уберегли в военное лихолетье. Сам не досмотрел. Благодарить мы здесь должны императоров Александров — Второго и особенно Третьего. Серьезно они помогли, не зная об этом, будущей советской стране! Создали сеть университетов, научных центров. Мы вот, исходя из идеологических установок, все пишем про промышленную отсталость царской России. Но так ли это на самом деле? Когда немцы в пятнадцатом году применили под Верденом газы, то русская химическая промышленность за год с небольшим построила или перепрофилировала около ста заводов, где нала-

дили серийное производство боевых отравляющих газов и выдали «на гора» несколько миллионов противогазов! А в Туле за такой же срок соорудили огромный завод, который уже в шестнадцатом году покрыл потребность фронта в пулеметах-«максимах».

Это как развеселившийся раз в застолье Клим предложил тост за Николая Второго, создавшего революционную ситуацию в стране.*

Но все же нам в науке и технике пришлось начинать почти с нуля. Особенно в технике, в индустрии. Уже не семимильными, но семижды семимильными шагами начали мы подготовку кадров инженеров и ученых — одновременно с разворачиванием индустриализации СССР.

Были, конечно, и досадные потери: сразу после революции, в безвременье Гражданской, в базарно-мелочные годы НЭПа не сумели закрепить, оставить в стране многие светлые умы. Те же Сикорский и Звoryкин создавали в Америке вертолет и телевизор. Много глупостей и внутри страны допустили из-за малой грамотности руководителей-выдвиженцев. Из грязи в князи. Отсюда и недалёковидность, и честолюбие, и просто человеческая глупость.

Недавно вот читал доклад, подготовленный Минсвязи по развитию радиовещания и массового телевидения. По последнему запросил уточняющую справку от Псурцева с изложением истории вопроса. Любопытную справку принесли. Оказывается, одновременно со Звoryкиным в СССР инженер Катаев** создал практическое телевидение: сначала электромеханическое, затем электронно-лучевое. И только война и послевоенные напряжённые годы восстановления страны позволили США вырваться в этой области вперед. Впрочем, не намного и не надолго.

Но и Катаева на первых порах никто у нас слушать не хотел: пустяки, мол, детская забава. Заинтересовался я тогда первым советским телевизором — электромеханическим. Велел Поскребышеву позвонить в Минсвязи. Но там руками развели: дескать, Катаев сделал только один, опытный работающий экземпляр. А где он? — Никаких письменных свидетельств не сохранилось.

А через полгода после того проводил у себя в Кремле коллегию оборонщиков по новой технике. В завершении ее рассказал для нравоучения об истории с первым нашим телевизором. Присутствовавший свадебным генералом Ворошилов, как бывший наркомвоенмор — вот святая кавалерийская простота! — воскликнул:

— Так я его у Катаева в начале тридцатых забрал. Для испытаний.

— И как испытывал?

— А отвез на дачу и из комнаты по нему смотрел: кто входит во двор.

— Так его в музей связи надо сдать.

— Да там что-то в нем сломалось, велел адъютанту в сарай отнести.

— Ну и?..

— А потом сарай перестраивали, все барахло прежнее выбросили.

...Вот и работай с такими новаторами в использовании достижения науки!

От прежнего же режима достались нам крупные ученые в фундаментальных знаниях. К тому же преданные советской власти. Или принявшие ее искренне, без барской снисходительности, спеси и фордыбаченья, без показной независимости того же Ивана Петровича. Хотя Павлов — свет науки, его ум и дела на-амного перевешивают и царские ордена на сюртуке, и чуть ли не молебны с хоругвями перед физиологическими съездами.

* В новейшие времена более известным стал римейк-анекдот: Хрущев предложил сделать Николая II Героем Советского Союза за то же деяние... — Прим. авт.

** Семен Исидорович Катаев прожил долгую жизнь в науке и технике. До солидных лет (ум. в 1991 г.) активно работал в области телерадиотехники. — Прим. авт.

А были, да и посейчас трудятся, крупные ученые, что сами активно революцию делали, в Гражданскую на позициях, на партработе. Вот под Царицыным в восемнадцатом встретился с Штернбергом. Он кумом меня в шутку назвал, узнав об обсерваторской моей короткой работе. Сам-то уже известным астрономом был и геофизиком. Не только в России, но и в Европе его знали. Как сам рассказывал: прославился он в их научном мире своими исследованиями по движению земных полюсов: географических и магнитных. С конца прошлого века, между тем, в нашей партии, а в семнадцатом руководил в Москве военно-техническим комитетом, в Гражданскую — не последний человек в политбюро Красной Армии.

Жаль, рано умер Павел Карлович, в конце войны простудился: воспаление легких. В память о верном товарище и большом ученом поддержал присвоение его имени Астрономическому институту Московского университета. Сколько таких светлых людей у нас было. И сейчас есть.

Конечно, наш агитпроп не устает подчеркивать: советская наука — наше создание, а царская? — Да так себе: три-четыре громких в Европе имени. Но так надо. Пока надо было. Теперь другое время пришло, пора собирать по-библейски камни. Наконец-то после войны восстановили в правах слово «русский», начали и уже не первый год восстанавливаем имена и дела великих и выдающихся русских ученых. Хватит их делить на наших и не наших, советских и царских. Власть и политическая система меняются, а страна, ее народ теми же остаются. Только последний глупец или парткарьерист не понимает или не желает понимать этого.

Однако и о достижениях советского периода в науке, в индустрии мы должны говорить с гордостью, даже несколько хитрить: дескать, царевы министры ушами хлопали, а мы вот, молодцы такие, в считанные годы лампочку Ильича, почитай, в медвежье углы продвинули, *БАМ* почти построили, да война помешала.* Транссиб опять же в Среднюю Азию ударно построили, на Кольском полуострове крупнейшее в мире месторождение апатитово-нефелиновых руд разработали. Да мало ли чего еще?

Старшие же поколения и историки науки и техники знают, а народ пока рано еще оповещать, что вовсе мы не на голом месте страну индустриализировали. План *ГОЭЛРО*, включая все разведочные работы, сложнейшие расчеты и проекты десятков электростанций, не *комиссия* Глеба Кржижановского в считанные месяцы разработала, а много лет в 1910-х годах назначенная царским правительством *комиссия* дотошно разработала. Кстати, с активным участием Кржижановского. И Красина тоже.

Как и проект и изыскания по *БАМ*у и Транссибу тоже после Японской войны были выполнены. Но как и нам Отечественная, так и царю Империалистическая помешали все пораньше сделать. И Ферсман еще до революции апатиты открыл.

Конечно, проекты одно дело, а их реализация совсем другое. Но ведь умно и дотошно разработанный проект — это половина дела. Так негоже нам от всего бывшего до нас отречься, используя его на всю катушку.

Но вот чисто советские достижения — так это машиностроение, танковая техника и вообще вооружение, большая химия, а особая гордость наша — авиация. Про атомную бомбу и не говорю. Военный флот еще требует много внимания и затрат, но и он скоро уже станет океанским: с линкорами и авианосцами. Зато давно действует Главсевморпуть, руководимый человеком-легендой Иваном Папаниным. «Самый

* В годы войны и даже до ее начала уложенные уже рельсы *БАМ*'а были сняты и перевезены для устройства рокадных дорог на линиях фронтов, в том числе вдоль Волги к Сталинграду и у границ Персии-Ирана.— Прим. авт.

северный еврей планеты!» — Таким заголовком пестрели западные газеты после дрейфа *СИ-1* в Ледовитом океане.

...А все эти достижения стали возможными при сочетании опыта выдающихся старых русских ученых и инженеров, хотя бы и немногочисленных по сравнению с Европой и Америкой, и энергии молодой, уже советской поросли. Совершенно верно, разумно и вовремя мы, еще не оправившись от разрухи Гражданской, взялись за всеобщую грамотность, за рабфаки, а главное — за десять лет, даже меньше, удесятирили число институтов. Главное — впервые в мире опробовали — и убедились в своей правоте — совершенно новую, нашу советскую систему высшего образования: вместо классических университетов специализированные институты: политехнические, отраслевые технические, физические, медицинские, педагогические, институты культуры. Только такой крутой поворот и позволил нам в кратчайшие сроки насытить страну специалистами для скорейшей индустриализации, подготовки к круговой обороне, качественного скачка в сельском хозяйстве, в культурном развитии.

...Ишь расхвалился, расхвастался! Знать, действительно страна расправила крылья.

*Когда, величьем Родины взволнован,
Ты трепетал от ликования весь,
Твои звучали песни так, что словно
Их пели людям ангелы с небес.*

Распелся, товарищ Сталин. А оттого распелся, что сейчас, в середине века, *СССР* в самом прямом и полном смысле ни от кого не зависит, а для полного равенства с миром капитала чего не хватает? И много, и не очень-то по сравнению с совершенным: не хватает по количеству атомных бомб, авианосцев и линкоров, первой водородной бомбы в мире и межконтинентальных ракет. Но все это уже активно проектируется, делается. Курчатов и Королев под опекой Лаврентия, который хоть черта изпод земли приволочет, если только понадобится, Келдыш, Яковлев и Туполев работают без отпусков. Скоро и первый спутник в космос выйдет, а спецы Королева и Челомея уже кабину под космического летчика на ватмане вырисовывают! Уже реальны первые атомные электростанции, ледоколы и подводные лодки.

Скоро совсем и людей от пуза накормим: в *ВАСХНИЛ*е не только ломают словесные копья лысенковцы с вейсманистами-морганистами. Хватит нам с деревенского мужика три шкуры драть. И так на нем выехали в тридцатые годы и в войну тоже. Селекция, разумная кооперация, ирригация и мелиорация, выверенный севооборот — все уже пошло на село. Но, конечно, страна наша выстояла только благодаря индустриализации, первым пятилеткам. Не отрицаю — сталинским пятилеткам, не скромничаю...

Нет, чего-то утаиваешь, хитришь, товарищ Сталин! Не только энтузиазм освобожденного народа, мудрость партии и твоя, не такая уж пустая, голова сделали индустриализацию. Помогли нежданные-негаданные внешние обстоятельства и нечеловеческое напряжение всей страны. Проститутка-история первое как бы забудет, а за второе приклеит мне ярлык тирана и кровопийцы.

Это уже не мечтательная наука, это суровая практика.

ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ: ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ

Да, в великом переломе две составляющие: внутренняя и внешняя — по отношению к *СССР*. Хорошо бы, конечно, если только вторая была. Увы, пришлось все соки

из страны, прежде всего из крестьянства, вытянуть. Но без этого пришла бы погибель всей стране, всей нашей великой идее социального государства. А разве иначе бывает, бывало в истории становления нового строя? Это как подросший, оживший мужик в деревне, что наследует отцово хозяйство, если он не младший сын. Нужно отделяться, рубить себе избу, не один год маяться в отхожем промысле, собирая на коня, корову, другое обустройство. Опять же целину распахать на неуродном месте, опять же по два раза в год телегу за телегой навоз возить. И много чего другого. Кажется мужичку: все, силы иссякли, сердце вот-вот остановится, рухну не дойдя до порога. Но вот осилил же, устроил хозяйство, унавоженный суглинок сам-шесть урожай дает, дети подрастают, а поп Исидор каждый год за серебряную полтину очередного младенца в купель окунает. Расправил мужик плечи, а ведь молод еще — и работает уже легко, и в жизни смысл появился.

*Тогда с души прогонит тучи
И мрак, который в ней царит,
Надежда силою могучей
И к жизни сердце возродит.*

Так у людей бывает. Всегда: мужик ли ты хлебопашец, поэт, ученый... даже чиновник-выжига, взяточный судейский, даже вор. К добру ли, к злу человек себя готовит, но обязательно проходит тяжелый путь становления. Хм-м, что-то ты, товарищ Сталин, добро и зло в категориях уравниваешь? Или вспомнил знаменитую диссертацию Чернышевского? Скорее всего, недавно просмотренную книжку по современной буржуазной этике, что в Академии наук по отобранному мною списку издали для служебного пользования. Да, в этой их этике, как и у Чернышевского, и добро, и зло одинаково имеют градации от посредственного до в высшей степени превосходного.

...Тяжело крестьянам пришлось в годы перелома, но разве остальным в стране легче было? А тут еще подряд два засушливых года в Поволжье и на Украине.

Сколько мы тогда продебатировали в Совнаркоме и в ЦК: как облегчить эту нагрузку на крестьян, без хлеба которых никакую индустриализацию не вытянуть, начав не закончить. Много было как умных, так и глупых предложений высказано. Сам перечитал труды Чаянова, Несмеянова, земских авторитетов в области землеустройства, севооборота, сельхозкооперации. Не раз и не два устраивал встречи с ведущими учеными ВАСХНИЛ и «Большой академии». Правильную установку с самого начала — не хвастаюсь — отстоял; надо исходить из решения двуединой задачи (хотя по народной мудрости за двумя зайцами не угонишься): сделать сельское хозяйство товарным и высвободить для строек пятилетки индустриализации миллионы бывших крестьянских рабочих рук.

Отрицательный результат — тоже результат. Так говорят люди науки. Такой полезный нам отрицательный результат, за исключением минимально-достаточного заселения Алтая и Приморья, дала столыпинская реформа: и русский мужик не тот, и климат другой, нежели в Европе и Америке, поэтому единоличное сельское хозяйство даже при мощной господдержке (а где ее было тогда взять?) у нас не выйдет на товарный уровень. Это ведь Столыпину многократно говорили земские кооператоры. И в царевом правительстве тоже разумные люди нашлись, отговаривали царя. Но перевесила необходимость заселения востока страны. Здесь Николай вспомнил завещание своего умного отца, так решительно начавшего русскую экспансию на Тихом океане. В кои-то века достался России умный царь, заявивший: в Европе нам делать нечего, надо поворачивать в восточную сторону. Правда, Николашка и загубил все достижения Александра Третьего...

Итак, только общинная кооперация с агрономией и механизацией, гарантированной государством.

Но и здесь мнения разделились: взять за образец земскую кооперацию, сочетающую индивидуальное, участное с определенной плановостью, регулируемой в рамках Госплана? Или пойти путем полной коллективизации-обобществления? — Поставленной изначально задаче отвечал только этот путь. Как по каждой его отдельной составляющей, так и по их совокупности. Заодно решалась и некая сверхзадача: социальная гармония двух основных советских классов, рабочих и крестьян. Тем самым оба класса становились пролетарскими: индустриальным и сельскохозяйственным.

Вместе с тем переход к полной коллективизации-обобществлению, в отличие от земской кооперации с элементами планирования, был очень ответственным для исполнителей и психологически сложным для крестьян. Но в итоге общинный тысячелетний дух русского народа победил все сомнения и прямое противодействие кулачества. Теперь дело было за тракторами, заводы для производства которых строили высвободившиеся, излишние в коллективизированном сельском хозяйстве, крестьяне.

...Нелегко, не легче коллективизации, даже намного труднее, далась нам индустриализация. Может, она и заглохла бы еще до конца пятилетки, но неожиданная помощь пришла оттуда, откуда мы ее не то что не ждали, но и во сне помыслить не могли. Кстати, наш агитпроп по сию пору об этом наглухо молчит. Так надо, так патриотично. И мне бог велел рта на этот счет не раскрывать до поры до времени.

Придет это время — то ли мы с довольной усмешкой, а может, временно пришедшие к власти троцкисты — со злобой и паскудными ухмылками будут говорить одинаковое: империалисты помогли нам создать советскую индустрию!

Здесь надо отдать должное, как ни странно звучит от меня это признание, Троцкому с Ильичем. Когда Конгресс *САСШ* принял рекомендации своим промышленникам (сам закон приняли позже) о выводе с территории Штатов вредных химических производств, в первую очередь азотно-туковых, то владелец концерна *«Петролеум оксидентум»* Арманд Хаммер живо вспомнил еще нью-йоркское знакомство с проворным Левоу Троцким, который теперь в советской России при живом Ленине играл первую скрипку. Списался или созвонился с ним по трансатлантическому кабелю и предложил серьезную сделку.* Сделка сделкой, но Ильич сразу понял пользу проекта для разрушенной Гражданской войной страны.

Дальше началась торговля Хаммера с Ильичем под дирижерством Иудушки. А «ценитель русской культуры» зачастил из-за океана в Москву. Азотно-туковое производство — это взрывчатка, удобрения и много чего другого вплоть до моющих

* О подоплеке этой грандиозной сделки догадывались, а специалисты просто знали еще в советское время. Я в достоверности истории этого проекта убедился случайно. Мой знакомый работал в химическом НИИ в Туле. По профилю своих занятий как-то он ездил в командировку на один из химкомбинатов «Азот» (их в СССР по проекту Хаммера к 80-м годам было запущено около полутора десятков). По сути командировочного задания у него возникла нужда ознакомиться с первичной документацией по одному из техпроцессов — «кальками», как говорят в промышленности. Из службы техдокументации ему принесли не обычную, принятую у нас размахренную папку чертежей в обложке из тонкого порыжелого картона, а аккуратный том размером метр-на-полметра в кожаном переплете с непотускневшим от времени золотым тиснением: названием концерна Хаммера. Очевидному нельзя не верить. В новые времена американцы уже не удовлетворились разделом продукции, а прибрали эти «Азоты» в России и в бывших союзных республиках в полное уже владение. В Тульской области были построены и сейчас работают два таких комбината: Новомосковский «Азот» — построен в 30-е годы и Щекинский «Азот» — в 70-е годы. Крупнейший Новомосковский комбинат теперь полная собственность «Проктер энд гэмбл» — мирового монополиста производства стиральных средств. Истинно сказано: услуга дьявола, в данном случае Троцкого, рано или поздно окажется вредом или кабалой.— Прим. авт.

бытовых средств. А в начале этой цепочки стоит вредное для всего окружающего производство азотных химикалий в огромном объеме. Это тяжелый химический синтез. А тонкая химия, получение готового продукта — уже вне территории СССР.

У Хаммера — готовые проекты комбинатов, строительные и начально-эксплуатационные инженерно-технические кадры и — главное — оборудование. У нас — ни того, ни другого, ни третьего, и денег ни копейки-цента. Договор о разделе продукции едва не на вечные времена — это половина оплаты. Еще четверть — хаммеровский кредит. А оставшееся — будьте так добры! Капиталист слезам и обещаниям не верит.

«Хрен возьмешь с тарелки деньги у попа!» — Присказка еще семинарская. Но заводы Хаммера ведь только начало; стократ больше средств потребуется на полную индустриализацию. А бедной стране не жить. Никогда я не осуждал даже в мыслях Ильича, все его окружение, даже Троцкого в той ситуации, за единственно возможное принятое решение: обобрать церковь, музеи, реквизициями и «торгсинами» взять все ценности у населения. Некоторое утешение, что церковь сама себя высекла, став со времен патриарха Никона лакеем самодержавия, музеи со временем заполним произведениями нового, советского искусства, а ценности имеются среди населения лишь у представителей бывших эксплуататорских классов. Не до дипломатических церемоний и интеллигентского сюсюканья. И не хочу себя перед потомками оправдывать, что решение было принято без моего решающего участия. И кто я тогда было? — Второстепенный нарком по национальностям, а тогдашняя должность генсека она и была бумажно-секретарской.

Реквизиции, реквизиции... Но разве на погорелом месте, собираясь ставить новую избу, хозяйка не продаст свои скромные драгоценности: обручальное колечко, монисто, что муж к свадьбе подарил, да перешедшие ей от матери серебряные сережки с простенькими лазоревыми камушками? И никогда потом мужа не попрекнет этим, а тот постарается и колечко новое, и сережки ей купить. Так-то и здесь.

...Никому стороннему, почти всему руководству партии и правительства ни тогда, ни сейчас, а может, и в долгом будущем и в голову не придет: почему, начав с Хаммера вовлекать капиталистов в нашу индустриализацию, мы это дело вроде как замедлили до конца двадцатых годов? Но ведь не вроде, а действительно замедлили. И это, не выпячивая свою роль, уже *при мне* было. Все-таки тогдашняя старая большевистская гвардия еще в почетных царьков не превратилась; еще троцкисты не подставили под расстрельщиков Ежова наших выдающихся марксистов-экономистов. А те сумели убедить руководство страны, что из анализа тенденций в деятельности капиталистического мира в Европе, но особенно в Америке, опирающегося как на законы Маркса, так и выкладки современных авторитетных западных экономистов, следует: гениально предугаданный Марксом, первый в истории, мировой кризис империализма вот-вот грянет. И опять же по Марксу: кризис перепроизводства, как внешняя сторона медали, будет следствием более глубокой причины — финансово-спекулятивной, перекашивания всемирной капиталистической системы из-за обострения неравномерности ее развития. А причина последней — выход из этой системы 1/6 части мира, СССР и неопределенность результатов мировой бойни.

Дело-то нехитрое ждать удобного момента. Любой разумный хозяин это туго знает: собираешься избу рубить — перекантуйся с семейством в холодной времянке со слабо греющей буржуйкой, но дождись когда цены на лес, кровельную щепу-драпку, гвозди и другую строительную халду-бурду собьются до доступных.

Так и получилось к первой пятилетке. В Америке депрессия, Европа в унынии, а три страны, пользуясь невероятно удачным моментом, спешно становятся на ноги. Это все кажется случайным совпадением, но нет, это сама история ставит опыт на СССР, Германии и Италии в выборе пути к социальному устроению общества.

Но у немцев и итальяшек своя свадьба, пока нас не касающаяся (ох, как еще коснется скоро!), а мы всю кризис капитализма использовали. Все к нам из Америки за терпимые деньги потекло: безработные в *САСШ* высококлассные инженеры парходами в Ленинград и Одессу прибывают, а за ними население целых поселков при крупнейших стройках пятилетки — техники и рабочие с многолетним стажем работы в ведущих корпорациях Америки.

Банкротящиеся фирмы мировой известности идут на любые уступки, соглашаются на недопустимо низкие проценты при неприлично долгих сроках погашения кредитов. А в итоге самолетами с посадками в Париже в Москву в Генплан доставляют тонны технической документации. В портах того же Ленинграда, Одессы, а также Мурманска, Архангельска и Владивостока разгружаются сотни тысяч тонн металлоконструкций.

А в это время на местах будущих новостроек тоже сотни тысяч пока еще неквалифицированных рабочих, недавних крестьян, как муравьи с лопатами и тачками, сравнивают холмы, роют под фундаменты котлованы площадью с городские кварталы, строят бетонные заводы огромной производительности.

Сталинградский тракторный, Магнитку, Днепрострой строят американцы. С американским же оборудованием. Но и мы не лыком шиты, не в колонии живем: возрожденные царские еще заводы, тот же Ленинградский металлический и десятки, сотни других реконструируются, начинают выпуск своих уже гидротурбин для *ГЭС*, турбин для *ГРЭС*, доменного оборудования, сталепрокатных станков, кузнечно-прессового оборудования и всевозможных станков для машиностроительных заводов, выпускающих тракторы, автомобили, танки, дальнобойные орудия, самолеты, крейсера и подводные лодки.

Все продумано, все в Генплане просчитано: первая пятилетка — первая волна, у капиталистов учимся, их технику используем; вторая пятилетка — уже запущены в ход «заводы заводов», основа нашей будущей индустриальной самодостаточности. Так от «американского» Бобрикстроя, будущего Сталиногорска*, Сталинградского тракторного, турбин Днепрогэса мы скорыми шагами перешли к уже собственной индустрии.

...Особо благодарить империалистов, *США* и Антанту не будем; мы стократ «преблагодарили» их в Отечественную войну; потом за ними должок был за интервенцию Гражданской и содержание на коште белой контрреволюции, за экономическую блокаду двадцатых, и еще один сейчас впрок должок набрали за «холодную войну». Квиты, господа империалисты. Нам же оправдываться не в чем. Маркс и Ленин так нас учили: использовать для построения социализма любую трудность, промашку капитализма, даже порой идя им на уступки, если таковые в настоящем и будущем не угрожают нам чрезмерными сложностями и возможностью военной или ползучей реставрации частнособственности.

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ: ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Я далек от мысли, что индустриализация и коллективизация есть лишь заслуга руководства *ВКП(б)* и Совнаркома. Тем более исключительно моя. Это был подвиг всего нашего народа, в котором еще живо горело воодушевление революционных и военных лет. Нет, конечно, революционное наследие и сейчас действует, и еще долго будет действовать. Но я имею в виду именно воодушевление. А по человеческой

* Ныне город Новомосковск Тульской области; см. примечание выше: нынешняя вотчина американской «Проктэр энд Гэмбл». — Прим. авт.

природе воодушевление не может длиться вечно. Рано или поздно оно, не меняя своей сути и побуждающей идеи, переходит в более спокойную форму. Что, в свою очередь, означает: идея настолько закрепилась, что стала привычной. А о привычном уже не задумываются, руководствуясь им в обыденной жизни.

Народ народом, но теоретики князь Кропоткин и Прудон, сугубый практик Нестор Махно, что называется, от первого лица показали: анархия не мать порядка, но надуманная химера. Личность в истории закономерна. Я уж от первого лица могу это засвидетельствовать.

Почему-то у историков, да и в разговорах на коммунальных кухнях, если там все бабы не переругались, и никакие разговоры не ведутся, принято сравнивать выдающихся личностей, даже разнесенных во временных эпохах. Ладно, бабы и слабопомышленные мужики в линялых майках в коммунальных квартирах, но историки-то? Ученые мужи в академических званиях и с окладами?

Когда в различных собраниях достаточно узкого круга руководства возникал этот вопрос о сравнении «степени великости», я всегда говорил о глупости, неправомерности такой постановки вопроса. Поскольку же никак не удавалось найти емкое, как физическая или математическая формула, краткое обоснование этой глупости, то я просто переводил разговор на другую тему. Если разговор шел за столом по какому-нибудь поводу, то ограничивался шуткой: мол, славны бубны за горами, но у нас в дуду дудят.

Незадолго до начала войны в приватной беседе со Ждановым после обсуждения дел серьезных тоже возник вопрос о сравнении исторических личностей. Андрей, хорошо разбиравшийся в искусстве, в музыке тоже, привел удачное сравнение, суть которого в следующем.

Жданов, по его словам, недавно на отдыхе в Крыму крутил ручку приемника и «поймал» запись второго концерта для скрипки с оркестром ре-минор Генриха Венявского. По всей видимости настроился он на Би-Би-Си, а понимая наполовину разговорный английский, Андрей Александрович из предваряющих пояснений диктора понял, что это запись тридцать пятого года Лондонского симфонического оркестра, а солист — тогдашняя знаменитость Яша Хейфиц.

По словам же Жданова, общавшегося по делам службы с ленинградскими и московскими музыкантами и композиторами, в том числе с Прокофьевым и Шостаковичем, излюбленная тема спора у них — кто лучший скрипач: Паганини или Хейфиц? То есть, кто из них «второй Паганини» или первый, в смысле второй, Яша Хейфиц? Но как их можно сравнить? — Хейфиц — вот он со своей чарующей скрипкой: в лучших концертных залах Европы и Америки, на грампластинках, на радио. А о Паганини только письменные свидетельства его современников, заромантизированные истории его жизни у Стендаля и нашего Виноградова.

На первый взгляд может показаться: да, отзвучавшую музыку никак нельзя сравнить с живой, сегодняшней. Более повезло представителям других искусств — от скульптуры и архитектуры до литературы. Если, конечно, сохранились памятники этих искусств.

Вроде бы есть основание для сравнения личностей в политике, военном искусстве. Но так ли это? Ибо мы судим о прошедшем по результатам, действие которых ощущаем и сейчас. Самое существенное — великие государственники, политики и полководцы если и оставили после себя письменные откровения, то посвятили их второстепенным — для нас, понятно — сторонам своей деятельности. Наполеон в своих мемуарах, что сочинял на Св. Елене, написал некое подобие комментированной тактики встречного боя... А наш великий Александр Васильевич? — Оставил после себя десятистраничную «Науку побеждать», в которой все подчинено одному

лейтмотиву: «Пуля дура, штык молодец!» И еще пару сотен писем, что издала наша «Академия».* А там в основном переписка со своим родственником, карикатурным литератором графом Хвостовым о домашних делах, прошения Румянцеву и Потемкину о пенсии для семей погибших при штурме Измаила младших офицеров и записки интендантам о нехватке гречки для солдатского котла и скорейшей доставке «трех бочек аглицкого темного пива»...

А жизнеописания великих людей у историков — от античности до наших времен? Те же «Жизнь двенадцати цезарей» Светония? Совершенно верно и горько написал его римский коллега Тацит... еще с семинарских лет в памяти отпечталось: *«Если историк льстит, чтобы преуспеть, то лезть его противна каждому, к навещантам же и клевете все прислушиваются охотно; оно и понятно: льстец мерзок и подобен рабу, тогда как коварство выступает под личиной любви к правде».*

Итак, вроде остались сочинения самих великих в истории, тома их жизне- и подвигоописаний историков, но... при их чтении не возникает ощущения соприсутствия с этими великими, с их мыслями и устремлениями. Получается взгляд со стороны в глубь веков. Пусть даже немногих десятилетий — все одно, нет достаточной базы для взаимного сравнения.

Пожалуй, единственное исключение — Макиавелли, его великолепный «Государь», одна из полутора десятков моих настольных книг. Кстати, когда придет время плевать на мою могилу и мои дела, припомнят мне остроглазые шелкоперы этот изящно изданный «Академией» томик Макиавелли. И, разумеется, изданный перед войной «для служебного пользования» «*Mein Kampf*», который я заставил проштудировать все наше партийное руководство и наркомов. Даже лихих кавалеристов Буденного с Ворошиловым.

Эти г...нюки — имею в виду, конечно, шелкоперов — с каждого свободного клочка газетной бумаги будут кричать: смотрите, потомственные жертвы сталинизма, у кого брал уроки иезуитства в политике и кровавой жестокости бывший «отец народов»? — У прожженного нравственного изувера Макиавелли и всемирного убийцы Гитлера!

Что ж, они всегда на срочной службе, труженики второй древнейшей... И вообще — глупейшее занятие сравнивать по чинам и количествам выигранных сражений — в кабинетах и на поле боя — личностей истории. Опять же говорю от первого лица. Поэтому мы и используем для агитпропа и политпросвета определение отцов марксизма: личность, вне всякого сомнения, есть непреходящий атрибут движения истории, но не фатально и индивидуально предопределенная личность, наделенная от бога или дьявола (это о Троцком в первую очередь) некими сверхкачествами (а это из фантазий Гитлера), а недюжинная личность, проявившая себя в нужном качестве в нужное время и в нужном месте. Под местом понимаются исторические, политические, экономические и прочие обстоятельства.

Правда, при этом не уточняется: как эта личность себя поставила в нужное время и место? Если речь не идет, конечно, о явных ставленниках, марионетках и прочей шушере. Да этого народным массам и знать не надо. Они смотрят со стороны и снизу вверх, а запахи кухни, тем более политической, им не следует ощущать. Для их же пользы и непоколебимой уверенности в своем Вожде.

Для себя же отмечу два, нет... три существенных момента для формирования и

* Издательство «Academia» (Москва — Ленинград) а 20-х—30-х гг. специализировалось на изданиях памятников истории и литературы. Книги этого издательства отличались хорошей полиграфической базой и изяществом оформления: толстые томики уменьшенного, «карманного» формата, веленевая бумага, переплеты с тиснением — матерчатые, даже холстинковые с цветной раскраской-тиснением. Эти книги высоко ценятся у современных коллекционеров.— Прим. авт.

утверждения личности в истории. Во-первых, реализация таким самовыдвиженцем раз и навсегда поставленной сверхзадачи. Во-вторых, опять же самоосознание своих способностей — ума и человеческих качеств — решения этой сверхзадачи. Наконец, и в-третьих, правильное избрание стратегии, оперативного искусства и повседневной тактики борьбы за власть. Ибо только реальная власть позволяет свершиться исторической личности.

Еще одно существенное неудобство в жизни такой личности: он должен иметь даже не два, а три лица. Одно для «ширпотреба», для масс, ведомых этой личностью. Второе для ближнего окружения и при жизни этой личности. Наконец, третье — самопотаенное, а значит, и самое реальное.

Итак, для масс и ближней истории, пока и тебя не оболгали завистливые преемники власти, вырабатывается каноническая биография. Собственно, это даже не биография, а утвержденный коллегиально документ истории. Вот и моя официальная биография обсуждалась на том историческом пленуме «вблизи» XVIII съезда ВКП(б), где было принято решение о героизации и идеализации имени «Сталин», которое с того времени стало уже не просто моей второй фамилией — после Джугашвили,— но отделилось от меня и стало символом. И к съезду, к его 60-летию такая биография была издана.*

Как и имя «Сталин», так и эта официальная биография, собственно говоря, отделилась от меня, стала символом, объединяющим народ.

Эта официальная биография, естественно, должна поддерживаться постоянными «вливаниями», публикациями различного уровня: от передовиц в «Правде» и «Известиях» до академических трудов. Но — все в русле канонизации. Здесь пример подал в тридцатых годах Лаврентий. Кто ему написал этот доклад размером со средней толщины книгу — неважно. И также не имеет значения, что в это время, в середине тридцатых, он явно выслуживался: крылья у него подросли, пора настала из захолустного Тифлиса перебираться в Москву. Но книга получилась убедительной... как убедительным является хорошо закрученный роман.

Итак, требуется второе лицо личности в истории: для ныне живущего ближнего окружения. Это лицо даже сложнее держать, как говорят китайцы. Тот же Лаврентий, кавалеристы Ворошилов с Буденным, почти весь состав ЦК партии и совнарком. Это сейчас. Но тридцать лет назад, когда я еще только шел к власти хозяина в стране, и в первые десять лет реальной власти окружение было другое: Троцкий, Киров, Фрунзе, Каменев с Зиновьевым, молодой еще Жданов, Орджоникидзе, Дзержинский и Менжинский, в среде военных чинов — Тухачевский, Блюхер, Егоров, Якир...

Перед ними еще можно было держать естественное свое лицо — ведь соратники, связанные накрепко друг с другом; неважно, что многие из них стали врагами — не моими, а советской власти в первую очередь. И они меня звали Кобой. Зачем же что-то корчить из себя перед ними? Это как в дворовой стайке пацанов один начнет важничать. И что с ним сделают? — Правильно, воспитательно морду набьют либо отвернутся насовсем. Но для нынешнего окружения, хотя в нем и остались из старой гвардии, лицо-то приходится именно держать, дистанцироваться не только внешне, на людях, но и в неформальном общении. Этого требует взятая мною на себя нелегкая роль исторической личности.

Это такая же игра, как игра политическая, дипломатическая и всякая иная. Наконец, реальное, самопотаенное лицо. Увы, здесь историческая личность беднее последнего нищего, который и вовсе не прячет своего лица перед всем миром людей. А для играющего роль исторической личности это табу. Даже наедине с самим собой, в

* Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография / Сост. Ин-том Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б). — Ростов-на-Дону: Ростовск. обл. кн-во, 1940. — 127 с. (Одно из изданий). — Прим. авт.

своем кабинете: вдруг преданный Поскребышев без доклада — он имеет на то разрешение — войдет, или кто даже с докладом, но я-то не успею надеть на лицо маску вершителя судеб трети мира, а?

Это не самоирония, не смех, а действительность. Только в самых что ни на есть потаенных мыслях, как сейчас, когда даже Старостин, Туков или Матрена Бутусова не посмеют, проходя коридором, даже взглянуть, не поворачивая головы, боковым зрением в сторону приотворенной двери в его комнату. Нет, не маскировка, не игра в прятки с самим собой. Просто ты уже не принадлежишь самому себе, и твое, вроде, лицо и не твое, а ты сам всего лишь его носитель. Такой живой памятник получается!

К черту эти шарады с лицами! И нечего петлять: первое, второе, третье... Все одно с усами и оспинами, со слегка рыжеватыми, увы, год от года редееющими волосами. Вот твое лицо-монумент, товарищ Сталин, повторенное в десятках, может, сотнях гранитных памятников на высоких пьедесталах по всей стране — от Владивостока до западных границ, а с севера на юг — от столицы Северного флота Полярного до Закавказья. Отштамповано в тысячах гипсовых бюстов по ленинским комнатам военных частей и красным уголкам заводов и фабрик, в аляповатых же бюстах во всех парках и скверах, в миллионах портретов — от сельсоветов и колхозных правлений до кабинетов министров и маршалов. Так надо. Историческая личность не должна быть суеверной и спокойно относиться к существованию миллионов отпечатков своего лица и фигуры в длиннополой кавалерийской шинели, разнесенных по огромной стране.

Не надо путать понятия: роль личности в истории, канонизированной исторической личности, и личности, на которую история взвалила непосильную тяжесть ответственности за ход истории в масштабах не только огромной страны, но в определенном смысле и за ход мировой истории на определенном этапе ее движения. И остаться символом для будущего.

Роль конкретного человека в истории — это и есть то самое «в нужное время и в нужном месте», но сюда плюсятся еще и человеческие качества. Причем такие, которые из обычного *человека* делают *личность*. Другое дело совсем — канонизированная историческая личность. Это уже монумент. Если первое — Наполеон с момента осады Тулона и до «ста дней», то второе — тот же Наполеон по сей день, начиная со Святой Елены и после Луи-Филиппа.

А третий — это ваш покорный слуга. Лихой вояка-политик Наполеон здесь не подходит. История, вообще говоря, на него не взваливала какой-либо непосильной тяжести. Она могла и «подождать» другого, быть может, и более умного, более прощительного в военно-политической стратегии человека. Но Бонапарт, любимец удачи до определенных пределов, например, стен московского кремля, брался за власть по-кавалерийски, хотя и был артиллеристом, вовсе не предполагая взваливать на себя эту самую непосильную тяжесть. Да и власть-то ему дуриком досталась. После заявки о себе под Тулоном и военно-познавательного путешествия к египетским пирамидам только ленивый на его месте не разогнал бы переругавшийся Конвент — некое подобие нашего Временного правительства Львова — Керенского — и вот он Вождь революционной Франции. И понеслось! Понятно, что его направляли масоны, коим время пришло начать разрушение европейских монархий. *Тайное мировое правительство впервые стало явью*. Хотя и конспиративной. А Наполеон стал предтечей Троцкого — всего через век.

А вот я добровольно взвалил на себя тяжесть непосильную. И это большая удача, что почти осилил ее, достиг вершины могущества советской страны: на верфях Николаева и Ленинграда заложены первые наши линкоры, а в ленинградских ЦКБ уже проектируют авианосцы. Атомные бомбы запущены в серию, на выходе водородная

бомба. В космосе уже побывали наши собаки*, в самом конце пятидесятых — начале шестидесятых Королев планирует и полет человека. Нашего, советского человека!

И власть мне никто добровольно не давал, а я ее особо и брать не хотел: отторопь брала от предчувствия ответственности, тяжести шапки Мономаха и проклятий мне от будущей проститутки-истории... Даже от большинства будущего советского народа. Советского ли в той дальней перспективе?

Трудно, сложно даже не я шел к власти, а власть проверяла, ощупывала меня и вытаскивала вперед, выделяя из сонма робких, опасливых, своекорыстных, бесшабашно отважных, слишком доверчивых, книжно-умных и просто дураков. Но был один враг-соперник, к тому же настроивший против меня уже глубоко больного Ильича, действительно умный, проницательный и энергичный. Настолько в нем эти качества являлись в совершенном виде, что, не задумываясь, уступил бы ему узкую, не для двоих, тропинку к высшей власти, тем более, что при хвором Ленине он ею уже практически обладал, но при условии уверенности: эти качества он всецело употребит для блага страны, ее народа и построения советского социализма.

Но вот эту-то уверенность Лейба дезавуировал своими делами: непоколебимая уверенность во всемирной революции и ее перенесении из России; несостоятельность этого к концу девятнадцатого года после поражения советской власти в Германии, Венгрии и Прибалтике, понимали уже многие. А Троцкий все митинговал. И всех настораживала его постоянная конфликтность; жить он не мыслил без фракционной борьбы и оппозиционности. Его перманентная революция и движение без обозначенной цели — главное, ввязаться в драку, а там как получится — все заставляло очень серьезно задуматься: а на чью мельницу льет Иудушка воду?

...Не хвастаюсь, не горжусь и с собой унесу, что одним из первых для себя раскрыл сущность этой мельницы. Оправдываться не привык, тем более на будущее; все одно проститутка-история все сведет к примитивной борьбе за власть между мною и Троцким. Умные-то люди всегда истину будут знать и помнить, но на одного умного, самодостаточно мыслящего, приходится с десяток, если не больше, кутят с пеленой на глазах, что ориентируются в ходьбе только на размахиваемый мамкой хвост.

Конечно, не я один дошел до истины. Все же в двухсотмиллионной стране, не говоря уже о всем мире, умных людей достаточно. Особенно среди писателей таких провидцев много встречается. Хм-м, на этот счет *мало уважаемый* нашим агитпропом Андрей Платонов** с юмором писал, что-де и среди интеллигентов иногда попадаются — этого отрицать нельзя — на редкость умные люди... А вот *уважаемый* мною Булгаков, при всех его странностях и закидонах, так прямо писал, что Троцкий — Антихрист. Хорошо, Лаврентий разрабатывает еще не напечатанное и меня просвещает.

Антихриста не Антихриста, но исполнителя некой тайной силы. Может, ее маонством правильнее именовать, сионизмом? — Вот это и есть то тайное правительство, выпущенное в плавание по миру Французской революцией. Так и получается, что с самого начала я не только ответственность за будущее страны взвалил, но и противопоставил себя мировому Антихристу, его тайному, а где надо, и очень даже явному воинству.

...Личность — история — человек с его силой и слабостями. От первого лица говорю, а значит не лукавлю.

* Первый запуск собак с их возвратом на Землю состоялся в 1951 году. Имеется в виду простой вертикальный запуск-спуск ракеты.— Прим. авт.

** Рассказ Андрея Платонова «Фро». — Прим. авт.

ИУДУШКА ТРОЦКИЙ: СМЕРТЕЛЬНАЯ СХВАТКА; ВРАГ ЗАТАИЛСЯ

Будущие историки — наши, не зарубежные, те давно нас треплют,— когда агитпроп потеряет нюх, или контра временно к власти придет, будут без конца издеваться: и это народная революция? — Пролетарская и крестьянская, вызревшая в недрах руководящего чаяниями масс *РСДРП*? А на самом деле ее сделали две группки профессиональных политиков, что давно забыли как выглядит русский рабочий или крестьянин, а всю войну отсиживались подальше от военных позиций. Одна группа прибыла с разрешения кайзера в пломбированном вагоне через Германию, а потом и нейтральную Швецию. Другая же припутешествовала на трансатлантике из Нью-Йорка. Одну — с Ильичем во главе — благословил, снабдив и деньгами, Вильгельм Второй, другую — с Троцким — наверное, напутствовали американские банкиры и раввины. Едко историки-шелкоперы говорить и писать будут, да еще если такие козыри на руках!

...И попадут пальцем в небо, исключая роль *РСДРП*: мы, конечно, большую работу провели и перед революцией девятьсот пятого года, и перед Октябрьской, но это мелочь по сравнению с делами эсеров. Они — истинные творцы обеих революций, а Первой — почти единственные исполнители.

Насчет же пломбированного вагона и нью-йоркского парохода... Сам-то с собой могу быть откровенным: те и другие прибыли на готовенькое, но лихо возглавили уже все подготовленное. Конечно, свою толику внесли в бочку пороха, а факелы вовремя взяли и подожгли ее.

Если с «пломбированными» все ясно: заграничное руководство русским революционным движением, вне России в девятьсот десятые годы оказалось, вообще говоря, не по своей воле. А вот тайну нью-йоркского парохода, скорее всего, навсегда унес с собой Троцкий. Такие люди, а более всего их хозяева, имеют не то, что многовековой, но и многотысячелетний опыт сугубой конспирации. То есть, мы, как говорится, «не вхожие» в тот таинственный круг, можем видеть только результаты их таинственной целенаправленной деятельности. Несомненно, приглядевшись зорко, и методы, и, так сказать, технику их деяний правильно охарактеризовать можно. Но цель этих действий, главное направление стратегии? — Увы, все это за пределами знания людей вне того таинственного круга. То есть, неведомо всему населению Земли за исключением микроскопических долей процента от него. Да-а, стратегию нам познать не дано, но основы их тактики и оперативного искусства со временем приоткрываются. Порой и не грех поучиться у них этой тактике и оперативности... Без их пакостной первоосновы, конечно.

Как называть тех, кто насылает на мир, на нас в том числе, сонмы этих иуд вроде Троцкого? Особенно активно и агрессивно они шлют их в мир после знакового для них события — Великой Французской революции. Ими же совершенной. Но и задолго до нее эти посланцы ада наличествовали. Тот же родоначальник имени — Иуда Искарот. В средние века это розенкрейцеры, в восемнадцатом веке — масоны. В нашем же столетии их склонны называть сионистами. Но в том смысле, что они не отождествляются с собственно еврейским народом, даже не всегда сами семитского происхождения. А еврей-то как раз у них в наибольшей кабале, чем другие нации. Такой вот парадокс. Когда пресловутый «еврейский вопрос» потеряет свою остроту — не зря я им воссоздал Израиль! — где-нибудь в двадцать первом веке этих таинственных исчадий ада и слуг Антихриста другим именем будут отмечать. Например, сверхлюдьми. Но не гитлеровским *Uebermensch*, что неблагозвучно, а по-американски: супермен, что то же самое.

Вечно изменяясь — это явление остается самим собой. То, что сионистов — в широком и конспирологическом понимании этого слова — не следует, не нужно и неправильно отождествлять со всем еврейским народом, это не мое лукавство, а обоснованная, выверенная наша позиция. Мы ее и не скрываем. И Голде Меир, когда она приехала после создания Израиля к нам (мы сразу обрадовались — благодарить!), Молотов ей четко объяснил нашу позицию: мы четко отличаем понятия вашего сионизма, как символа воссоздания еврейского государства, *алии* по-вашему, и мирового сионизма — наднационального, а по сути интернационального течения, скорее, заговора со скрытой целью в среде крупнейшего финансово-спекулятивного олигархата. Это и Маркс предвидел, но по раввинскому своему происхождению опасался как-то терминологически связать его с еврейством. Ибо все великие и выдающиеся умы ветхозаветного народа постоянно держат в голове несчастную судьбу Баруха Спинозы...

А окрестить всех без разбора евреев сионистами — не в смысле алии — это такая же глупость, как приписывать братьям-украинцам некую генетическую вредность. А они не более вредны и упрямы, чем великороссы. Хрущ как-то за доброй чаркой привезенной из своей командировки в Киев перцовой горилки дурачился. Дескать, вот в *ВАСХНИЛ*е Трофим Лысенко все бьется по вопросам генетики с внучатыми племянниками Вейсмана и Моргана, а лучше бы все они помирились, выпили вот такой горилки и занялись исследованием генетической вредности моих хохлов. А знаете, товарищи? Ведь они, вопреки сложившемуся поверью, очень не любят сало, а едят. Едят, черти! До косопузия и ожирения жирнющую грудинку лопают, лопают. А почему едят? — Так они начали его хрумкать назло басурманам — туркам и крымчакам.

А для них, как вы сами хорошо знаете, для мусульман-то, свиньи и собаки есть самые оскорбительные твари. Если у них два аула поругаются вусмерть, так по ночам лазутчики к своим врагам пробираются и собачью голову к воротам аульной мечети приколачивают. Наши же *козаки* еще до Богдана Хмельницкого, когда в основном не ляхов, а турок с крымцами лупили, как осадят бусурманскую крепостцу, усядутся на рвы, куда стрелы и пули не долетают, вынут из сум шматы сала, кусают его, от противности горилкой запивая, гогочут. Мусульмане не выдержат, выбегут из ворот — тут им и карачун!

...Вот тот же Никита — шут шутом гороховым, а ведь себе на уме? Не потому что хохол, конечно, а ведь троцкистом партийным был. И хотя вроде искренне с ними расплевался, к нам по доброй воле перешел, полезных дел побольше глупостей — и на том спасибо — сделал в серьезном масштабе... а ведь рано или поздно снова в нем троцкистское нутро проявится. Троцкизм — зараза похуже моровой язвы. Причем не только в отношении нас, большевиков, в отношении *СССР* — страны, которой он почти-что овладел, но не удержался, потерял от ощущения всевластия осторожность, и был пинками изгнан.

А вся дальнейшая деятельность Троцкого, которого буквально распирало и рвало блевотиной бесконечных статей, брошюр и речей, направленных даже не столько против *СССР*, сколько против самой идеи, самого факта реального существования социализма в его советской, коминтерновской форме? И его паскудный *IV* Социинтерн! — Он по-прежнему выполнял социальный заказ невидимых хозяев. Впрочем, уже к середине тридцатых годов некоторые из них «засветились». — Прежде всего ультрареакционные круги *САСШ*, связанные с самой верхушкой империалистической финансовой олигархии.

Много было у нас, у нашей страны врагов в короткой сравнительно истории *СССР*. Не меньше и сейчас осталось. И еще больше будет: внешних и внутренних.

Да-да, классовая борьба усиливается по мере приближения к победе социализма. Но почему именно Троцкий, троцкизм был и есть нашим главным, смертельным противником? Да потому что Иудушка — это тот же поп Гапон, но во всемирном масштабе. Если попа того эсеры запросто нашли в домике между станциями Озерки и Шува-лово Финляндской железной дороги и повесили, то за Лейбой пришлось охотиться долго и изощренно: от штурма мексиканских коммунистов*, бывших интербригадовцев в Испании, до итоговой, тщательно продуманной на Лубянке операции Рамона Меркадера.

Убийство политического противника — крайний, христиански порицаемый шаг, но сколько, а главное чего нужно ждать? Иудушка не евангельский Иуда Искариот, у него своя правота, которая запрещает ему подыскать подходящий осиновый сук... Есть ситуации, которые, как у повздоривших гусар, требуют дуэли со смертельным исходом одного из них.

Опять же будущие наши историки-борзописцы, а западники уже давным давно, все сведут для обывателя к личной вражде двух претендентов на главенство в стране. Все меряют по себе! А очень умные из них в ту же дуду дудят, ибо выполняют социальный заказ своего «агитпропа». Наедине с самим собой не лукавит даже дипломат уровня Меттерниха, не говоря уже о грубом и прямолинейном, как в сердцах с подачи Иудушки и по-бабски мнительной Крупской говорил Ильич, кавказце Сталине... Конечно, пресловутая «кавказская гордость», точнее — закавказская, нашептывала: хватит обитать в кресле второстепенного наркома по нацвопросам или писарчуком-генсеком. И никакая это не кавказская гордость... всегда раздражало меня: дескать, верблюд двугорбый, индеец с перьями в ушах, а кавказец гордый!

Во-первых, голова на плечах работает и здоровья еще на десяток Куреек хватит, значит работать могу долго и плодотворно. Во-вторых, какие-никакие, но заслуги имею: почти двадцать лет на подпольном положении, тюрьмы, семь ссылок, участие в пленумах и съездах четко на стороне правоты Ильича; кропотливая, выматывающая организационная работа, самая низовая, самая сложная. И при этом нужно иметь стратегическое мышление. Ничего не хочу сказать об Ильиче, руководстве партии — у каждого свои обстоятельства, своя роль в подготовке революции. Но я не то что десятилетиями, а и неделями в безжандармной загранице не жывал. Берлинское пиво и французские вина не смаковал в беседах о будущем новой России. На средиземноморском курортном Капри с Горьким и молодым итальянским социалистом Бенито Муссолини в шахматы не играл.

Безо всякой обиды, конечно, но... Заслуги и в советской стране никто не отменял. И так ли я стремился к высшей власти? — Если и шел на встречу с ней, то только по той причине, что враги сопротивлялись, а друзья по партии расступались. Иные даже по робости, но не меня боялись, а опасались идти в верховные: не справятся, не удержатся. Многие же просто по характеру и воспитанию своему спокойнее, увереннее чувствуют себя на вторых ролях. Осознают: здесь они полезнее общему делу, нужнее стране.

Но главный импульс — это упорное сопротивление врагов — и врага из врагов Троцкого. Сопротивление дает истинному бойцу азарт. Главное же в азарте — не подменить цель мотивом.

Троцкий — вечно живая миллионноголовая гидра. Вроде бы центральную голову

* Вооруженное нападение на дом-крепость Троцкого в Койоакане 24 мая 1940 года, предпринятое мексиканскими коммунистами, подробно описано активным участником нападения, выдающимся мексиканским художником Давидом Альфаро Сикейросом в его книге (русский пер.): Меня называли лихим полковником. Воспоминания. — М.: Изд-во полит. лит-ры, 1986. — С. 217—230. — Прим. авт.

отсекли в смертельной схватке, но остались другие, в том числе и у нас затаились. Все же тайное становится явным; проявится рано или поздно и гидра троцкизма. Вот что тревожит меня. И не только меня. Известно: исторически гнездо троцкизма у нас свилось в Ленинграде, расплзшееся при Зиновьеве,— ведь и Мироныч, и Андрей Александрович* остро чувствовали запах этой гидры. Может, и острее чем я за грудой дел, за кремлевскими стенами, так сказать. Главное — бесстрашно и деятельно эту гидру изводили. Увы, за что и поплатились жизнью: Кирова «сработали» грубо и демонстративно, Жданова более хитроумно.

Они срубили у той гидры несколько сотен голов из миллионов, а троцкисты — всего две из десятка лишь моих верных и надежных... Счет явно неравный, как говорит свихнувшийся на своем футболе-хоккее Васька.

Уже тридцать с лишком лет все пытаюсь четко оформить, как с юности привык, кратко и ясно прежде всего для себя: в чем смертельная опасность троцкизма? В чем его неиссякаемая сила? Почему мы не можем сразу и решительно его уничтожить, — не физически, что проще, хотя и не комильфо, а идейно, морально — и в глазах всего народа, при его полном, искреннем одобрении? Как, например, мы отмежевались от других наших союзников по подготовке революции, по Гражданской войне: меньшевиков, эсеров, анархистов, различных радикальных группировок? Размежевались не по причине стремления к полному единовластию, а потому что стремились увести страну от раздора, от бесконечной фракционной борьбы-междусобойчиков. Мы бы и потерпели это подобие королевского польского сейма — все же соратниками были, — но сами поставлены внешними и внутренними врагами в такие условия, что малейшее замедление, малейшее отклонение от четкого курса на скорейшее построение социализма могло все едва начатое погубить. Не до либерализма.

Правда, особого греха на душу нашей партии (не обо мне речь, я тогда всего лишь рядовым руководителем значился) Ильичу брать не пришлось. Анархисты на совести наркомвоенмора. Да эти лихие головы не то что с Троцким, но и со своим идейным прародителем князем Кропоткиным горшки бы побили. Особенно махновцы после Крыма. Такая у них судьба: анархия хороша в словесных баталиях интеллигенции — что-то вроде острого соуса пикан или сыра пармезан за обедом. А на практике она нежизнеспособна. Только в России и то лишь среди матросов, очумевших от воли после корабельного мордования офицерами-остзейцами, а также в Диком поле среди его колоритного, гуляйпольского населения, народный анархизм сумел парутройку лет погулять и помереть с шиком презрения к суматошной русской жизни.

Вроде левые эсеры одно дело с нами свершали, но круто отвернулись сразу после Октября и стали врагами. Несдающимися. Впрочем, их понять — опять не для агитпропа — можно: революцию они подготовили и фактически сделали, а тут их оттерли от главных ветвей власти. А как бы мы себя в их шкуре повели? Это из категории тех вопросов, про которые говорят: история разберется, кто более прав. Опять же надо держать в голове, что за эсерами, начиная с «Черного передела», едва не полста лет целенаправленной, прекрасно организованной борьбы. И не столько на страницах листовок и подпольных газет, отпечатанных за границей, сколько в самой гуще народа, а если надо, то с револьвером и бомбометанием.

А если смотреть глубже, то наши пути с ними все одно должны были разойтись после революции. Причина же взаимной непримиримости сугубо идейная, политическая: мы сделали ставку на пролетарскую диктатуру, они — на крестьянскую Рос-

* Жданов Андрей Александрович (1896—1848), родился в семье инспектора народных училищ в Мариуполе Екатеринославской губернии (в советское время город назывался Ждановым). Один из наиболее верных соратников Сталина; после XVII съезда ВКП(б) — 1934 года первый секретарь Ленинградского областного и городского комитета ВКП(б).— Прим. авт.

сию. И все этим сказано. Эсеровская модель народного, крестьянского социализма не просто противоречила учению Маркса — Ленина, но и самой диалектике перехода от капиталистической формации к социализму. Тем самым, отстранив эсеров от руководства и реальной власти, мы спасли страну от реставрации капитализма, пусть даже в мелкобуржуазной форме, и расчистили путь к реальному социализму. Как люди в основном умные, уже в начале двадцатых годов многие эсеры искренне приняли нашу правоту и «разоружились».

Про меньшевиков и говорить нечего. Все эти Церетели и Аксельроды с сотоварищи имели голос в пору дореволюционной кружковщины и мало кого представляющих заграничных съездов вроде бы единой *РСДРП*. После революции на меньшевиков просто внимания не обращали, даже если они и пытались о себе напомнить в пору бурной фракционности.

Но вот троцкисты — это явление совершенно иного порядка.

СОЮЗ РЕСПУБЛИК В СССР — МИНА ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

Нарисуем такую, диковатую вообще-то, картину: на одну условную сторону поставим нашу партию и ведомый ею *СССР*, всех бывлых попутчиков и союзников — от анархистов до правых эсеров, наших врагов-белогвардейцев, врагов чужеземных — от белочехов в Сибири до антантовских интервентов в Одессе, Баку, Мурманске, Архангельске, Владивостоке, японцев в Приморье и китайских милитаристов в Маньчжурии... Все же представим такую невероятную живописную картину. А на другой условной стороне — Троцкого с его клеветами и последователями. И придем к совершенно уж сумасшедшей мысли, достойной, на первый взгляд, постояльцев Каченки, но тем не менее убедительной и в основе своей верной. Даже диалектически выверенной, а именно: все действия первой условной стороны по-человечески понятны. Хотя у каждого своя правота — она же неправота для другого. Извечная история; уже не проститутка.

Но «троцкистская» сторона действует непонятно, запутанно и с неизвестными целями — для всех непонятными и пр. То есть, для нас, для наших союзников и попутчиков, а также для белого движения и впоследствии эмиграции в Берлине, Праге, Париже, Белграде и Харбине. Непонятны их действия и для Антанты. На Уолл-стрите, может, и понятны, но там деньги и секреты в нескрываемых сейфах хранят. Патентованных. Такое впечатление создается, что Троцкого и троцкизм породили взвешенные силы. Истинно Антихрист! Как все же Булгаков-то писал? — Да-да в том смысле, что Троцкий еще молод, но мерзостнее тысячелетнего дьявола. И являет он собою лик сатаны, а настоящее имя его Аполлион, что по-гречески значит губитель.

Верно, все верно сказал Михаил Афанасьевич. Потому я его в числе немногих и выделял среди пишущей братии. Главное, независимый, но без контры и тухлого либерализма, а с другой стороны — поталантливее будет многих из верноподданных льстецов.

...Все же, хотя и без истины в последней инстанции, вывод-то не такой уж ясный и простой, как бы хотелось: троцкизм — это почти правдоподобно маскирующийся под социалистическое движение козырный ход высшей иерархии транснационального финансового империализма с масонской подоплекой, стремящейся к полному господству над миром путем разрушения или предельного ослабления крупнейших держав мира, исключая *США* с ее западноевропейскими клеветами-наговцами. Это сейчас.

Да! Именно так. Не иначе. Но зачем понадобился такой, слишком уж экзотический, требующий огромных денежных, временных и прочих затрат? А затем, что не

все сделаешь войнами, даже мировыми, денежными подкупамии власти и даже целых народов, политическими уступками и послаблениями. Далеко даже не все. Особенно если речь идет о СССР, опекаемых нами странах народной демократии в Европе, восточных соцстранах. Говоря же шире, речь идет о мировом социалистическом движении. Вот истинная суть троцкого коня троцкизма. И его мощные деньгами и влиянием прародители и вдохновители. И уже совсем просто, зная истину, объясняется неутолимое стремление самого Троцкого к мировой революции с перманентным ее развитием. Отсюда и странный — в свете диалектики — лозунг троцкизма: главное не цель, а движение.

...Здесь же и кроется величайшая опасность многоликого троцкизма. Прогнозируя длительную схватку с нами, Иудушка в короткие годы своей почти полной власти и влияния на увядающего Ильича успел заложить немало мин замедленного действия. Вроде тех боевых, что использовали в Империалистической ловкие на хитроумные штучки немцы. Пакостные штучки в честном бою.

Вот такую долговременную мину успел заложить Лейба в форме союза республик при создании СССР.

Не только я, но и другие товарищи из руководства ВКП(б) и РСФСР были несколько удивлены новыми нотками в голосах Троцкого и его сподвижников. Именно тогда, уже начиная с двадцатого года, Ильич поставил вопрос о форме объединения советских республик в единое государство, де-факто, конечно, уже имевшее место быть. Вопрос с государственно-юридической стороны ставился следующим: единое государство должно территориально, географически и *геополитически**, используя только что появившийся в Европе термин, стать воспреемником царской России; при декларированном равенстве всех входящих народов негласно, что называется «не называя по имени», ведущей должна стать великорусская нация в самом тесном культурно-этническом союзе с Украиной и Белоруссией. Самым сложным оказался вроде бы второстепенный момент: форма учета фактора многонациональности населения страны. Тем более, что при царях как-то все само собой обходилось, не акцентировалось, сложностей не доставляло. Это показала, кстати говоря, Империалистическая война: даже не подлежащие воинской повинности мусульмане Северного Кавказа, Причерноморья и Нахичевани, нынешнего Азербайджана, действительно добровольно всю войну сражались в составе Дикой дивизии и ряда других формирований.

И в Гражданскую этих же кавказцев без особых усилий 11-я Красная армия замирила. Единственное восстание в шестнадцатом году подняли казахи, когда десять тысяч их поверстали в стройбат на прокладку мурманской железной дороги.

В решении этого-то вопроса в проекте создания СССР мне пришлось участвовать напрямую: как наркомнацу. Причем в тесном контакте с руководством Украины, Белоруссии, Закавказской Федерации и Туркестана. И даже они, вроде как «по представительству», тот же Петровский, заинтересованные в сохранении де-юре титульности национальностей своих республик, с удивлением отмечали новые лейтмотивы в песнях Троцкого.

Действительно, этот певец всемирной революции, не хуже как Киплинг — певец британской империи, над которой не заходит солнце, еще не отойдя от проектов советизации Польши, Прибалтики, Турции и Персии, не говоря о Европе, продолжая твердить о скорой Мировой советской социалистической республике, где нет, говоря библейскими словами, «ни еллина, ни иудея», а есть только пролетариат и малосоз-

* Данный термин, равно как и наука геополитика, принадлежит генералу Карлу Хаусхоферу, в двадцатые годы послу Германии в Японии; ему приписывают политическое учительство Гитлера и соавторство «Майн кампф». — Прим. авт.

натальное пока крестьянство, вдруг поддержал чисто теоретический лозунг о праве наций на самоопределение.

Уже и Ильич о нем несколько вяло и неуверенно вспоминал, оговариваясь, что практика — критерий истинности. Кстати говоря, вне всякого сомнения Ильич был прав — и похоже даже несколько гордился этим — с отделением Финляндии, которую он сам отпустил, и Польши: баба с возу — кобыле легче. Другое дело Прибалтика — почти закрыла нам «окно в Европу». О Финляндии уже мне в тридцатых годах пришлось сожалеть: слишком лихо Ильич подмахнул жалованную грамоту финским парламентариям, не помыв в суе первых послеоктябрьских дней о будущих стратегических интересах СССР. А надо было бы ему даже в той суе-спешке выслушать мнения военных и промышленных специалистов. Они много чего знали наперед.

...Расхлебывать же пришлось мне. Тяжелой военной кампанией отбирать от «Финляндии по-ленински» Выборг и острова на входе в Финский залив — плацдарм обороны Ленинграда и всего Северо-Запада, дождавшись договора с Рейхом. А вот Петсамо с выходом Суоми к Баренцеву морю, нынешние Печенгу, Никель и Заполярный, мы миром с Маннергеймом получили только в сорок четвертом. А в тридцатых годах пришлось в невероятных усилиях разрабатывать норильский никель — металл войны и тяжелой промышленности, химии тоже, вместо того, чтобы с десятикратно меньшими затратами ресурсов и времени, при действующей мурманской железной дороге, при мягком гольфстримовском климате (на 70-й широте!) и незамерзающем море наладить производство никеля и многих других полиметаллов в Петсамо! Маху дал Ильич. Вместо нас северофинским никелем почти всю войну питалась немецкая промышленность вооружений... Миром с Германией перед войной вернули и Прибалтику. Польща же она и есть Польща — сплошные хлопоты в любом ее политическом качестве.

Но как Иудушка вцепился в это исчерпавшее себя, уже полузабытое право наций на самоопределение? Зная прекрасно его прагматизм, лихо маскируемый революционной разухабистостью, многие наивные решили: поддерживая союзный характер будущей политической организации страны, Троцкий ищет себе союзников в лице республиканских руководителей. Отчасти так и было, но только через два-три десятилетия начали проясняться истинные причины столь резкого поворота всемирного интернационалиста к такой решительной защите права наций на самоопределение. При этом, извиваясь ужом, порой и полностью противное этому говорил, а истинные свои намерения доводил окольно, через клеветов.

Сам же Лейба в то время как бы растроился, в трех лицах представал. Одно лицо по-деловому обещало республиканским руководителям максимальную их полноту власти в своих гетманствах, княжествах и ханствах. Здесь он обрел союзников.

Другим же ликом сатаны в необязательных ситуациях туманно вспоминал об интернациональном единстве будущей советской страны и приоритете общего советского, социалистического перед узконациональным, местечковым, центробежным.

Но наибольшее коварство исходило от третьего ликоявления Антихриста: дескать, страна наша уже есть единой, навсегда останется фактически такой, социализм советский нерушим, никому и в голову из нормальных людей не придет требовать какой-то самостоятельности и отделения. А республиканское союзное устройство — всего лишь формальность*, скорее нужная не нам, а для примера зарубежным проле-

* Не так много времени утекло от бурных словесных, но порой и танково-расстрельных событий рождения молодой российской демократии. А баталии на съездах и заседаниях Думы сутками транслировались по радио и ТВ всей страны. Вспоминается, как в таком режиме «онлайн» решался вопрос о наименовании нового государства: Россия или Российская Федерация. Поначалу проголосовали за первое. Но тут в бой ринулись «звезды» этой самой демократии, которые едва не с рыданием убеждали переголосовать за второе: дескать, все это чистая формальность, но не будут обижены представители «ста языцев». — Прим. авт.

тариям и трудовому крестьянству, изнывающему под гнетом капитала. И принятая нами политическая форма государственного устройства будет зовущим маяком для них. То есть, на самом деле, чисто формальное право на отделение на деле тотчас обернется правом на вступление в *СССР* других государств, становящихся социалистическими, число которых... Здесь Иудушка, извернувшись вокруг себя семикратно, сядил на своего всемирно-революционного конька, с которого его сбить уже невозможно.

...Хм-м, добровольное вступление. Дождешься. Это Прибалтика с ее лимитрофами, Западная Белоруссия и Украина, Закарпатье со Львовом и Бессарабия добровольно вступили? Хорошо без войны, воспользовались мы ловко и вовремя германско-польской войной, а Антонеску поскрипел вставными зубами, но стерпел: другой расклад в Европе наступил в тридцать девятом году. Даже ничейную Туву в сороковых годах из-за ее урановых залежей заняли при ворчании аборигенов. Хотя и числилась, как и Монголия, за нами по разряду народной республики.

Я же до последнего настаивал только на культурной автономии, но слишком малую — по сравнению с Троцким и Зиновьевым — роль я тогда исполнял. Пришлось в итоге и мне состорожничать и рукоплескать образованию *СССР* в троцкистском варианте. Говорят, грузины люди по натуре вспыльчивые, оттого грубые, неуживчивые с соседями, а потому не могущие вести тонкой политики. Хм-м, будь у меня тогда побольше силенок, не гляди без оглядки в рот слабеющему Ильичу лучшие мои сподвижники Фрунзе и Орджоникидзе, так и можно было бы вместо «права на самоопределение» провести мою культурную автономию. А это мною была задумана большая хитрость. На пользу стране в будущем, конечно.

Ту же Украину, подначенную националистами от Грушевского до Петлюры на «самостийность и независимость», с полным правом и даже поддержкой всего ее населения легко было развести, раздробить на пяток этих самых автономий: от русского Донбасса и вообще Новороссии до присоединенных в тридцать девятом Прикарпатье и Закарпатье. Пара десятков лет таких автономий — и никто, никто уже не вздумает поднять знамена с лозунгом единой и неделимой Украины.

То же самое со Средней Азией: разбить Туркестан по границам бывших ханств, эмиратов и оазисов. А вот Закавказскую Федерацию следовало бы сохранить как единое культурно-автономно-территориальное образование. Учитывая христианско-мусульманскую переживаемость *ЗСФСР*, историческую неуживчивость и взаимное недоверие закавказских народов и племен, различный их культурно-цивилизационный уровень, можно бы было вечно играть на этих противоречиях в рамках некой наднациональной культурной автономии, конечно, без — упаси боже — конфликтов. И твердо при этом знать: никогда они друг с другом не договорятся в таком серьезном деле как попытка отсоединения от *СССР*. Да такая мысль вряд ли у здравых людей в Закавказье появится, учитывая наши хорошие отношения в двадцатые годы этом вопросе. Как тот же Стендаль: «Все итальянцы певцы и предатели». А уж Ницше, даже со скидкой на его клиническое сумасшествие? — «В других частях света есть обезьяны, а в Европе есть французы».

Но почему-то принято именно русских именовать черносотенцами. Впрочем, это как раз понятно: кличку эту для русских распропагандировали Троцкий, ненавистник русских, и отчасти Ильич, тоже, как сложный полукровка, не всегда объективно отзывавшийся о титульной нации: до революции и после ее.

Глупый и недалевидный сравнивает нации по их недостаткам, а умный — по достоинствам. Это я перефразировал своего первого серьезного учителя жизни, семинарского отца Ираклия. Только он поучал нас в части ненужности сравнения верований. Жора Гурджиев особенно грешил этим.

Самой историей суждено было русскому народу стать главенствующим на 1/6 части суши. Но и здесь *наш народ* оказался ни на кого в мире не похожим. Везде — главенствующий народ командует, распоряжается другими, ему подчиненными. Не говоря уж о европейских колониальных империях. И только русский народ, направляя другие нации в составе единого государства — не метрополии с колониями! — остается равным с ними, а то и добровольно проигрывая им в материальном плане. Так было при царях, а сейчас мы и вовсе активно цивилизуем все сто с лишком «языков», приближая их к себе, к Европе. Впрочем, заговорился, Европа теперь нам не указ.

А то, что агитпроп и учебники истории по троцкисту Покровскому продолжают и сейчас горячиться об эксплуатации самодержавием окраинных народов, это пока нужно. Чем дальше будем уходить во времени от царей, тем меньше будем и говорить об этом. В тридцатые годы мы уже поправили основное: убрали из пропаганды и образования злобные определения русского народа как черносотенца, самодержавного холопа, помогающего царю эксплуатировать несчастные народы и племена окраин. Более того, агитпроп ограничился просто определением угнетающего народы самодержавия. Обобщенно все народы, что подразумевает и эксплуатируемый русский народ. Так пока надо.

Детски доверчивый наш народ в революции слишком дословно принял лозунг об отречении от старого мира. Да еще Гражданская война пролитой кровью отринула далеко недавнюю историю России. Но главный вклад здесь внесли, конечно, Иудушка с сотоварищи. Отсюда и предельный максимализм. А у пролеткультовцев до полного идиотизма доведенный: сбросим Пушкина с корабля истории!

Но в учебниках-то и в горячительных митинговых речах можно и несложно от всего отречься, считать что и человек, хомо сапиенс, появился в природе в октябре семнадцатого года. По старому стилю, по юлианскому календарю. И вообще хомо сапиенс — выдумка империалистов, а после мамонтов сразу, минуя эволюцию Дарвина, на свет явился хомо советикус в матросском бушлате, перепоясанном пулеметными лентами от «максима» выделки Патронного и Оружейного заводов в Туле...

На деле же даже диалектические законы отрицания отрицания и качественного скачка действуют только при условии непрерывности движения истории. Это и есть гелелевско-марксова спираль непрерывного развития, где каждый последующий виток суть повторение предыдущего, но на более высоком уровне развития.

Потому-то мы и наломали немало дров в двадцатые годы и в национальном вопросе, отринув напрочь громадный опыт царской России — первопроходца в этом непростом деле.

Взять ту же Среднюю Азию, Туркестан. До начала тридцатых годов Ворошилов целую армию гонял за басмачами. У нас уже Днепрогэс и заводы-гиганты строят, сельское хозяйство на индустриальный путь поставлено, вся страна учится в школах и институтах, а там, в песках, дикость и кровь, Средние века. По утрам рота красноармейцев окружает кишлак, ставят в шеренгу всех дехкан, велят штаны спустить. У кого зад красный, потертый — значит басмач, всю ночь на коне скакал. Им выйти из шеренги — и под расстрельные дула трехлинейек. А к вечеру уже все мужики кишлака в басмачах.

Здесь и мы в Кремле затылки начали чесать, вспоминать «проклятое прошлое», как Александр Третий замирил Туркестан с его Геок-Тепе, Бухару и Коканд и накрепко к империи присоединил. Рецепт оказался простой. Пара образцовых сражений, взятие Геок-Тепе, и вот уже туркмены дают Белому царю клятву в верности, а рота текинцев в чалмах и полосатых халатах, с саблями наголо перевозится в Петербург и становится личной охраной императора. В Геок-Тепе, в Бухаре, Хиве и Кокан-

де вовсе без крови продолжает править свой хан или эмир с гаремами, визирями и нукерами, гнущими спины дехканами. Как и сто, двести, две тысячи лет назад.

Более того, ханы и эмиры получают от Белого царя генеральские погоны на халаты, визири — полковничьи. Ханы и эмиры к своим юбилеям награждаются из Петербурга орденами Российской империи, только — с учетом политкорректности — сделанные по спецзаказу: кресты на них заменены восьмиконечными звездами, одинаково почитаемыми христианами и мусульманами. Эмир же бухарский в ответ шлет питерским министрам и военачальникам свои, бухарские звезды. Каждая размером с десертную тарелку.

Все довольны. Ханы и эмиры царствуют лениво — ибо воевать друг с другом теперь Белый царь не велит, да и надоело все сражаться из-за щедрых оазисов со времен Чингисхана и Тамерлана. Доволен и император: подбрюшье государства обросло солидным брюшком Средней Азии, куда уже не сунется алчная до чужого «англичанка». А в самой бывшей азиатской глухомани жизнь закипела: строятся шоссе и проектируется Турксиб (здесь цари не успели построить), возникают новые города с русским населением, крепости на границах с Персией и Афганистаном. Азиатские купцы — уже постоянные участники главнейших русских ярмарок, а наши — русские и татарские — налаживают плантации хлопка, который тысячами пудов везут в Иваново-Вознесенск. Готовый же текстиль, ситец, штапель и сатин продается во всех лавках Бухары, Хивы, Коканда...

Тысячами устремились в Азию, особенно в Бухару, из опостылевшей «черты оседлости» евреи; на новых местах они крепко берут в свои руки мелочную и магазинную торговлю, аптечное дело, живописно оживляя прежде дикие и пустынные городки. Жизнь кипит, все — азиаты разных национальностей, русские по гражданской и военной службам, приосанившиеся бывшие местечковые евреи, местные, русские, татарские оптовые купцы — довольны. И никаких никому национальных споров, разногласий и разночтений.

...Вот этот опыт удачный вспомнили мы в Кремле и порешили на малом Совнаркомке принять за образец стахановский. По-стахановски (заврался, Стаханов тогда еще не прославился) закончить басмачество в Туркестане, а главное — отсечь английскую агентуру и ихний форин-офис, без денег и посулов которого басмачество бы и не появилось.

Короче говоря, через «степной телеграф» довели до каждого главбасмача в пределах запланированных среднеазиатских республик и областей: либо вы со своими нукерами переходите на службу советской власти, оставаясь в правах руководителей на территориях влияния, или мы пошлем для отработки бомбометания Красный воздушный флот и армию, усиленную танками.

Одновременно командированные по своему ведомству муллы из Казани обрабатывали тамошних своих коллег, окормляющих басмачей. Главное — всех убедили в серьезности наших намерений и бесперспективности надежд на посулы англичан.

И случилось почти чудо. Через самый короткий период басмачество как класс исчезло. Как в тумане растаяло. Бывшие курбан-баши и алибек-ханы, в Казахстане старшие и младшие султаны, люди по-азиатски сметливые на практическую выгоду, мигом обменяли свои маузеры с дарственными надписями от короля Георга на партбилеты и должности первых секретарей обкомов и горкомов, облачились в европейскую одежду. Для контроля над ними и реальной работы вторыми секретарями и председателями облисполкомов поставили командированных партийцев и специалистов из центра. Как шолоховских двадцатипяти тысячников. Кстати, и «тысячников» — партработников, агрономов, инженеров и хозяйственников туда же достаточно направили спешным порядком выводить Азию из феодализма в социализм. Турксиб и новостройки первых пятилеток довершили дело преобразования.

Главное, все хорошо в Москве продумали. Не оставили без работы начсостав и рядовых бойцов-нукеров бывшего басмаческого войска. Коль скоро они в своих воинских упражнениях подзабыли дехканское дело, то поверстали в милицейские. Даже писарей и толмачей не забыли: создали из них народную интеллигенцию. А наиболее задумчивых и мечтательных произвели в акыны и исторические сочинители. Когда Горький организовал Союз писателей СССР, то из них же и местные, республиканские союзы собрали. Сейчас уже заматерели, галстуки повязали, бостоновые костюмы надели. Кто-то уже в классики записался, на лацкане имеют звезды Героев соцтруда. Трехтомниками к юбилеям уже брезгают, заявки на полные собрания поэм и исторических романов про эпоху халифата и борьбу с басмачеством — так сказать, из первых рук — в Гослитиздат направляют. Толстые журналы редактируют.

Кстати, зарубку в памяти: надо позвонить Фадееву, пусть по линии Союза писателей и кураторов из ЦК и Верховного Совета разберутся с азиатскими писательскими организациями: все ли там в порядке, надо кого поддержать, а кто левизну-правизну дают с намеком на национализм — тех пожурить, а то и намекнуть на несоответствие принципам интернационализма и соцреализма.

...Все же с Азией проще: и народ там в основе своей земледельческий, да и в одной орде батыевой довольно вместе пожил. Другое дело Кавказ, особенно Северный. Проще намного с Закавказьем. Христианские Грузия и Армения достаточно цивилизованы, да и мы поработали там еще до революции хорошо. И Баку — интернациональный город, почти что колыбель революции в Закавказье. Здесь тоже начали с царского опыта замирения, да еще как успешно! Истинно по-стахановски. Три царя полвека с лишком кавказскую войну вели, а наша 11-я армия за полтора года все решила с минимальными потерями. С обеих, что главное, сторон. Своих надо щадить, даже если порой тот за кинжал хватается. Нам с ними дальше вместе жить, а главное — воевать против внешнего врага. Потому и с наградами в одиннадцатой армии не щедро было: не бялки ведь, не Антанга*, а свои заблудшие, да еще подначенные агентурой той же «англичанки» зло...чей, грузинскими меньшевиками, нахичеванскими мусаватистами и даже дашнаками. Вот уж где политика выше национальных, тем более религиозных интересов! — Это о дашнаках.

И другой, уже универсальный царский опыт на Кавказе использовали: хотя там царьков еще при Втором и Третьем Александрах мягко от власти отстранили, заменив русскими генерал-губернаторами, но тоже сделали реверанс. Но втихую: местные и так знают, а сторонним это ни к чему. На Кавказ люди отдыхать приезжают, альпинисты на Эльбрус там... Их на экскурсию ведут на местный винзавод, представляют им директора Джанибекова, Героя соцтруда, депутата и так далее. Джанибеков смущается, поправляет галстук, что-то говорит о соцсоревновании. Ушли расстроганные экскурсанты из Челябинска, премированные за это самое соцсоревнование месячной курортной поездкой. А к директору винзавода с низкими поклонами вошли на планерку начальники цехов и бригад: «Дозволь войти, уважаемый Исмаил Джанибек-хан, окажи нам милость тебя лицезреть и потревожить нашими глупыми докуками?» — «Заходите и по делу говорите. А ты, парторг хренов, опять не по чину себе долю на складе готовой продукции пробовал установить?» — Опустил долу глаза парторг, трепеща перед гневом Джанибекова — из старейшего княжеского рода Кавказа.

И так далее. Свои тонкости — от царева опыта — в Закавказье, особенно в Грузии. Захапали сколько могли: Мингрелию и Абжарию, Абхазию и Южную Осетию

* Увы, другие времена, другие нравы. В нынешние обе Чеченские войны с наградами, в отличие от скромных успехов «федералов», как раз дело обстояло хорошо. Только один генерал отказался от звезды Героя... — Прим. авт.

через Серго Орджоникидзе и других московских земляков. И меня в неудобное положение в годы нацаркоматства не раз ставили. А-а, уж Грузию-то с ее аппетитами, раздрайством и малоуживчивым с чужаками характером, вне всякого сомнения на меня спишут.

Восток — дело тонкое, а Кавказ, полу-Европа, полу-Азия,— дело не только сверхтонкое, но еще и дикое. И долго таким будет. Главное, гордятся своей дикостью: Дикая дивизия, дикая красота гор... Все же Закавказье — это почти цивилизация. С местным колоритом, разумеется. Опять же кое-на-что глаза приходится закрывать. Для общего дела и блага. А вот с собственно Кавказом царского опыта уже не хватает: век другой, страна и вовсе другая.

Еще с Серго в свое время долго головы ломали и вроде правильную стратегию нашли. Условно разделить Кавказ на три зоны по преобладающему характеру населения и промышленно-сельскохозяйственной ориентации. Проще всего с Осетией: народ православный и незазобистый, более всего почетным считают службу в Красной Армии. О сепаратизме и не помышляют. Следует там хорошо поставить образование и сельхозобрабатывающую промышленность. Другое там проблематично развивать. Южную Осетию с основной, Северной, смысла соединять никакого: хребтом разделены, никакой естественной связи. Это уж им исторически не повезло. Дело далекого будущего.

Вторая зона — Дагестан. Тем тоже неплохо: аварцы и даргинцы по своей численности, географии и предприимчивости там полностью правят бал. И, главное, крепко помнят клятву аварца Шамиля, данную царю в плену: никогда больше с русскими не воевать! Поэтому прикаспийский Дагестан, аварский и даргинский, индустриализовать по-серьезному, вплоть до машиностроения военного... А все эти мелкие горные народцы, вроде лакцев и табасаранцев, пусть живут ремесленничеством, сельским хозяйством и фольклором.

Третья зона и главная зубная боль: Чечня, Ингушетия, кабардинцы с балкарцами, адыги и черкесы... Особенно первые; эти вайнахи и сами-то чужаки на Кавказе. Академик Мар точно доказал, что по языку они из арабов и пришли на Кавказ из Иордании, когда все долины здесь уже были заняты. Только горы остались. Отсюда и характер у них сложился такой: воинственный, жесткий, нацеленный на добычу у соседей. А как иначе, если на горах ничего не растет, даже деревья на дрова надо по ночам в долинах воровски спиливать и к себе в аул поднимать.

До войны мы много чего перепробовали в этой зоне: чем занять полезным, ликвидировать все их бесконечные раздоры и исторические обиды. Определенных успехов достигли. Но, увы, война, как химическая лакмусовая бумажка, все наши недочеты выявила. Наши недоработки и упрощенный подход как раз к этой части Кавказа. Разумеется, их и крымцев выселение в Казахстан было необходимой и оправданной мерой. Правильнее — заслуженным наказанием. Иначе бы советский народ нас не понял, память миллионов и миллионов погибших возопила бы. Таковы войны двадцатого века, тем более — войны идеологические. Здесь либо мы их, либо они нас. Они нас — под корень! Поэтому и массовое предательство должно быть наказано. Даже если и невинные страдают. Иначе нельзя было. Даже если мы в лице выселенных народов и нажили еще больших врагов, чем они нам стали во время предательства. С другой стороны важно посмотреть. Допустим, заменили бы мы массовые выселения наказанием предателей по факту. Их бы много набралось. А не больше бы мы эти народы таким массовым, но уже уголовным наказанием ожесточили? Вот в чем, вот в чем вопрос-то. В итоге выселением мы смягчили приговор явным предателям и пособникам немцев. Точно также мы поволжских немцев в прямом смысле переселением в Сибирь и Казахстан спасли. Спасли от неизбежности возможного

выбора. Подумайте? — Гитлеровцы все же переходят на другой берег Волги под Сталинградом, занимают Энгельс, ставят своим соплеменникам выбор: принять германское подданство и влиться всем от восемнадцати до пятидесяти лет в дивизии вермахта, или под расстрельные дула? Поволжские немцы все это прекрасно поняли и зла на Кремль не держат... Но и нам ведь в дальнейшем это все расхлебывать.

Здесь царский опыт с массовыми переселениями поляков после очередных их восстаний в Сибирь не работает. Поляки, при всей их исторической вздорности характера, европейский народ и даже славяне. В итоге они ассимилировали, даже повысили общий культурный уровень сибирского населения России. А кавказцы не смешиваются с аборигенами. Но ведь пройдет время, уже другие их поколения вырастут. Что-то они по-новому поймут, обида — с их точки зрения — поутихнет. Рано или поздно будут они возвращены на Кавказ. Но все равно это тоже мина замедленного действия. Особенно у вайнахов, особенно у чеченов. Ингуши, все же, более толерантны, да и к торговле склонны. А торговые нации к войнам и бунтам не привычны. Хотя бы ради своей торговой выгоды и возможности этим заниматься и жить.

...Ведь более или менее массовые выселения были проведены и в отношении западных украинцев. Но это скорее для их же пользы, чтобы отсечь от бандеровцев. Да и выселяли их в Центральную Россию, в промышленные города, где после войны была огромная нехватка рабочих рук. Давали им подъемные, строили целые пригородные поселки. Назад они сами уже не поедут, активно ассимилируются.

Но в отношении всей Украины в целом царский опыт тот, насильственный опыт русифицирования, запрета преподавания родного языка, то есть, малороссийского говора, близкого к южно-русскому диалекту, нам не подходит. И население, как в той же Франции или Италии, и выраженное разделение по географии проживания и историческим корням... — словом, здесь вопрос может быть решен только и одновременно с преобразованием СССР в Советскую Россию.

Другие народы и нации страны тоже внимания требуют, но скорее в сторону их цивилизования и подтягивания к общему уровню страны.

**«ЗАПАД ЕСТЬ ЗАПАД, ВОСТОК ЕСТЬ ВОСТОК»:
НАШИ СФЕРЫ ВЛИЯНИЯ; ПРОДОЛЖИТЬ ЭКСПАНСИЮ
АЛЕКСАНДРА III НА ВОСТОК**

*Твоя любовь к народу негасима,
И крепче этих уз на свете нет:
И в гордом сердце каждого грузина
Тебе воздвигнут памятник, поэт!*

— К чему это я вспомнил свое юношеское? А-а, стихи посвящены Эристави, а этот князь-поэт, как и Редьярд Киплинг, тоже размышлял о соотношении Запада и Востока, говоря об отчизне своей, Грузии. Когда-то и моей. Но и сейчас Восток и Запад я «делю» по Эристави, хотя он и князь, то есть, по агитпропу «эксплуататор трудящихся масс». Правда, на Кавказе далеко не все массы перетрудились. Раньше и сейчас. Опять же местный колорит: большинство пуп свой на непосильной работе надрывать не хотят, а потому довольствуются — и вполне искренне — малым, но достаточно необходимым. Здесь грузины марку держат выше всех. Чем-то они на русских в этой нестяжательской философии похожи. Может, по причине одного и того же византийского православия? Только русским судьба-история и достаточно необходимого никогда не давала, и пуп надрывать всегда велела. Грузии проще — с

трех сторон горами закрыта от мира, а после Георгиевского трактата «дружескими штыками» русских и четвертую — от персов — закрыли. Вот и расслабились.

А Эристави и Киплинг, действительно, с разных колоколен на границу Востока и Запада смотрели. Наш агитпроп ловко слямзил у серьезных исследователей-литературоведов, своих и зарубежных, основной лейтмотив «певца английского империализма»: Запад — суть обобщенная метрополия, среди которых главная — Англия, которая кнутом и пряником приобщает дикарей всего мира к цивилизации. Восток же, следуя давним и отжившим свое традициям, неразумно порой сопротивляется. Иногда поэтому приходится и сипаев привязывать к стволам пушек и разрывать на части, и миллионы «боксеров» в Китае полным интернационалом колонизаторов, даже Россия туда по глупости Николашки сунулась, перестрелять и перетопить. И много всяких других чудес наворотить.

Но это в крайнем случае, или когда торопиться надо: чтобы конкуренты по колонизации дорогу не перешли. Но чаще срабатывает пряник, то есть, деньги и должности в колониальной администрации. Очень туземцы уважают блеск золота и чиновничьи мундиры!

Вот все это и воспел Киплинг, романтик колониализма. И талантливо, сукин сын, воспел! Нашим домотканым Демьянам Бедным и европейски лощеным Эренбургам до него тыщу верст шагать и не дошагать...

Мы же Запад и Восток не противопоставляем друг другу, но объединяем. Ибо сами есть Евразия. Здесь мы опять же, но в условиях социального государства, продолжаем — вольно ли, невольно? — традицию прежней, царской России. Ибо она не являла собой классическую колониальную империю хотя бы потому, что у нее не было заморских территорий. А в единой территории, той 1/6 части света, не было как такового деления на метрополию, колонии и доминионы. Даже ту же автономную Финляндию сложно доминионом было назвать. Хотя финны имели свой сейм, чеканили свою монету, пели свой гимн. Таковыми же не являлись среднеазиатские ханства и эмираты. Аналоги же африканских и азиатских колоний вообще трудно было отыскать.

Совсем смешно: если условно разделить Российскую империю по Уралу на Запад-Восток, то получится, что Восток, то есть, Сибирь и Приморье, исключая малочисленные реликтовые племена, являются самыми русскими этнически (!).

В СССР же даже смешно говорить о противостоянии или различии Востока и Запада. Особенно после Отечественной войны — великого перемещения промышленности и людей.

То есть говорить о западно-восточной специфике (это как «Западно-восточный диван» у Гёте...) в сегодняшней нашей стране есть заведомая глупость. Или враждебные происки извечных наших врагов-троцкистов. Про западную пропаганду и говорить, что против ветра...

Но вопрос о Востоке-Западе и у нас имеется, но в другом смысле: о наших сферах влияния, приоритетах, как любит выражаться Куусинен — подцепил где-то словечко! Эти сферы есть у нас на Западе и Востоке. Даже и на Юге, если иметь в виду Иран* и Афганистан. Даже на Севере, в Арктике — баренцбургские концессии «Арктикугля» на Шпицбергене.

Оставим в стороне Юг и Север — это чисто экономическое, деловое. Конечно, далеко не без этого и на Западе-Востоке, но в современном устройстве мира понятие сферы влияния прежде всего созвучно с политикой и идеологией. Здесь перефрази-

* Еще по договору двадцатых годов с Реза-шахом Пехлеви и негласному соглашению с Англией о разграничении сфер влияния в Иране, северные его нефтеразработки «работали» на СССР. Этот договор действовал до самой «перестройки» в СССР.— Прим. авт.

руем Киплинга: «Запад есть запад, восток есть восток, но их соединил Советский Союз». Не в рифму, конечно, не в ритм, зато справедливо и конкретно. То есть, после войны мы сделали реальностью уже не одну страну, хотя бы и самую большую в мире, но систему социализма.

Это, конечно, замечательный удар по мировому капитализму. В определенной степени мы встали на путь марксовской теории о всемирности перехода к социализму. Точнее, с учетом реальности сегодняшнего дня, мы «притянули» Маркса к практическому исполнению его умозрительных предначертаний. Тем самым убедились и других убедили: марксизм не догма, а вечно живое учение! То, что раньше являлось плакатным девизом, сейчас стало рабочим руководством к достижению цели.

Конечно, не просто нам дали сферы влияния на Востоке, но вот Запад — через большую кровь и, как бы сказал профессор Коновалов из «кремлевки», через ущемление всех наших нервов. И если кровь литься закончилась, то нервы и сейчас напряжены. Неизвестно, сколько это напряжение будет длиться, сколько нервов постоянно будет защемлено почище всяких остеохондрозов. Это не только к Коновалову относится...

Европа, Европа... Даже Восточная, Южная, почти вся в «сумме» славянская и православная; или славянская, но не православная, как Польша, Чехословакия, часть Югославии; или православная, но не славянская, как Румыния; или не та и не другая: ГДР, Венгрия, Албания. Очень ненадежные союзники. Во-первых, до осознания будущности социализма они не доросли, исключая *наших* немцев. Социализм мы им, прямо и честно говоря, навязали. А так они только-только после Первой мировой войны, после обретения своей местечковой самостоятельности в результате разрушения континентальных монархий, почувствовали вкус мелкопомещанского частнособственничества, необременительного для самих себя полуконфортного существования в роли «санитарного кордона». Так бы они и после Второй войны жили-поживали, умело подыгрывая соседям — по карте географической — справа и слева, но мы им подкузьмили.

Во-вторых и в силу первого, все они тотчас сели нам на шею, особенно в части сырья и энергоресурсов. Да еще мы вынуждены освободить их от бремени расходов на вооружение и содержать на свой же кошт полуторамиллионную Советскую Армию на их территории.

В-третьих, что, пожалуй, наиболее серьезно и непредсказуемо: все эти восточные страны соцлагеря, неважно, славяне-неславяне, православные-неправославные, исторически и геополитически, даже этногенетически, не ориентированны на Россию. Именно даже не СССР, а Россию в ее ближней и дальней судьбе-истории. Опять же исключая Восточную Германию и югославскую Сербию.

Про Польшу и говорить нечего — вечная «еще Польша не сгинела, но дала уже душок». А душок этот — патологическая неприязнь ко всему русскому — как имперскому, так и просто национальному. Головы гонористых поляков гложет обида за все сразу: дошли до Кремля в Смутное время, но не удержались; сто с лишним лет в составе Империи с многочисленными разгромами бунтов и восстаний; советско-польская война по инициативе Троцкого, пакт Риббентропа — Молотова. Да мало ли чего еще? По-человечески их, поляков, можно понять: пепел Клааса жжет сердце и душу... Понять можно, но нам от этого не легче.

Ладно, Посполитая с ее гонористыми пановьями сама пятьсот лет золупалась на Россию, но вот с мадьярами нехорошо получилось. И все вина недалекого умом «властителя слабого и лукавого» Александра Первого, что после блестяще проведенной Кутузовым и его славными генералами кампании 1812—14 годов позволил лисе Меттерниху завлечь себя в Священный тройственный союз. В итоге русским

армиям ни за что, ни про что пришлось не раз колошматить венгров за их попытки, вполне обоснованные, отсоединиться от опеки Габсбургов. И за это нажили себе кровных врагов, кстати, самых верных союзников Рейха в войне против нас. Достаточно вспомнить двухлетнее сражение со Второй венгерской армией за Воронеж. Правда, всю эту армию и уничтожили под корень. Опять — понять можно, но и от этого не легче.

Про румынов и говорить нечего. Как-то наловчились они любую войну начинать на одной стороне, заканчивать на противоположной. Вот даже несовершеннолетнему Михаю-королю пришлось орден Победы дать... А за пакт 39-го года они поставили Гитлеру две вполне боеспособные армии. Проще с Чехословакией; не зря Энгельс чехов называл славянскими немцами. Сложнее с Югославией, пока там Тито. Но и без него не проще будет. Хм-м, надо же: умудрились в своей истории из одного народа, из сербиян, сделать по конфессиональным признакам целых три! И все друг друга ненавидят.

Эх, что тут говорить! По-своему прав Мао Цзедун, что советовал мне больше смотреть в восточную сторону; дескать, европейские союзники предадут при первом удобном случае. Мудрый Мао прав, хотя, как истинный китаец, и здесь хитрит в свою сторону.

Восток — дело тонкое, как говорил император Александр Третий. Но там нет исторической неприязни к нам. Опять же там руководитель — обязательно Вождь. И такие там хорошо подобрались: сам Мао, Ким Ир Сен и Нгуен Ай Куок.* Многожды умен и хитер по-азиатски Мао Цзедун. И правильную стратегию избрал; во многом и нас послушался еще в тридцатых годах. Не имел того влияния, что генералиссимус Чан Кайши — а кто в Китае знал тогда о *КПК*? Зато у всех на устах и в умах был Гоминьдан, особенно после Наньчанского восстания** — Мао со своей 8-й армией всю войну 30—40-х годов с японцами отсиживался на Севере, в горах Синьцзяна, экипируясь и вооружаясь поставками из *СССР*, за что расплатился, не имея, правда, тогда никакой власти в стране, с нами в сорок третьем году Тувой. А сам избрал тактику той обезьяны, что следит с высоты дерева за смертельной схваткой двух зверей, чтобы потом добить обескровленного победителя. Что и сделал, с нашей помощью, с Чан Кайши, почти два десятилетия противостоявшем японским милитаристам-захватчикам. Загнал остатки Гоминьдана на Тайвань.

Мао слишком многим нам обязан, во многом и сейчас от нас зависит. Так что полтора-два десятка лет с Китаем хлопот не будет. Но не больше. Может и меньше. Слишком долго Поднебесная прозябала в унижении, а потом ее полумиллиардному населению понадобится новая территория... какому полумиллиардному? Уже, скорее всего, миллиардному. А такая территории есть только на севере от Великой Китайской стены. Но какое-то время у нас в запасе имеется, однако уже сейчас надо стратегически мыслить в отношении Китая.

Мао Цзедун, едва провозгласив Народную Республику, понемногу, но все увереннее начал наглеть, в частности, в отношении Порт-Артура и всего Квантунского полу-

* После того как в 1945 году он возглавил Демократическую Республику Вьетнам, стал известен во всем мире как президент *ДРВ* Хо Ши Мин — прежний партийный псевдоним, в переводе с вьетнамского — «умудренный». С 1935 по 1941 гг. работал в Коминтерне, по заданию которого в 41-м году вернулся на родину, где возглавил борьбу с японскими оккупантами. Южный Вьетнам к концу Второй мировой войны был занят войсками Гоминьдана. По договоренности *ДРВ* (то есть *СССР*) с Францией под предлогом окончательного разгрома японцев во Вьетнаме гоминьдановские войска были заменены французскими. Они и провозгласили марионеточную империю (с 1948 по 1956 гг.) во главе с императором Бао-Дай.— Прим. авт.

** Восстание 1927-го года с центром в юго-восточном Наньчане стало началом организованной борьбы Гоминьдана, отчасти *КПК*, с японцами. В современном Китае Наньчан — единственный в стране Город-Герой.— Прим. авт.

острова. Хотя в договоре о тридцатилетней аренде сорок пятого года все четко оговорили, но в пятидесятом и в прошлом годах добились-таки не мытьем, так катаньем китайцы совместного военного базирования. И на своих географических картах уже не Порт-Артур ставят, а Люйшунь, как эта деревенька до 1898-го года именовалась... Востро ухо с этими азиатами надо держать. Тем более — *своими* азиатами!

И проще, но одновременно сложнее с *нашей* Кореей. Все-таки Ким Ир Сен — капитан Советской Армии из небольшого гарнизона в Хабаровском крае и берет пока «под козырек», но слишком прямолинеен, упрямый как истинный кореец. А ему надо ведь вышибать американцев с Юга страны, а это он сейчас неаккуратно делает, все надеясь на халяву: нашу, китайскую. Потом надо учитывать и национальный характер корейцев. Это типа наших сибиряков: тоже от ссыльных из средневекового Китая на полуостров тогда полуостров родословную ведут.

...Мы вот Кима из Хабаровска в Корею привезли, а американцы Ли Сын Мана: советский капитан против мелкого американского лавочника. Вот так и делается рукотворная история в наше время.

Надежнее всех старый коминтерновец Нгуен; впрочем теперь он уже Хо Ши Мином зовется. И правильно. Это как светский человек, переходя в монахи, изменяет свое имя, так и революционеры должны делать: был Джугашвили — стал Сталин. Символика таких переименований очевидна: как монах отрекается перемены имени от грешного, мелкого, суетного в прежней жизни, так и революционер, становясь Вождем, уже не прежний человек с его слабостями и неровностями характера, но человек-символ. И массам не нужно слишком много знать о его бывшей, тем более нынешней личной жизни.

Товарищ Мао, конечно, пальцем в небо попал, говоря мне об ориентации на Восток. Сами с усами, хм-м, знаем с начала прошлого века, с русской Аляски и Калифорнии. Но окончательной своей госполитикой, геополитикой эту стратегию России обосновал и провозгласил Александр Третий. Совершенно верно он понял: будущее — и даже настоящее — России не на Западе, не в Европе, органически нас не приемлющей, но на Востоке.

Наш агитпроп об этом разумно помалкивает, чтобы быка красной тряпкой не дразнить. Вернее, быков: троцкистов, американских империалистов, опять же наших нынешних дальневосточных союзников. Начало же у императора Александра было великолепным; даже по инерции этот натиск на Восток, в Тихоокеанский бассейн продолжался и в первые годы по воцарению Николая. Какой энергией тогда все дышало? — *КВЖД* и протекторат над Манчжурией и Кореей, база Тихоокеанского флота в Порт-Артуре и Дальнем, само становление нашего флота на Дальнем Востоке. Но и Александр не на пустом месте начинал. Те же Аляска и Калифорния... Жаль не удержали. Но здесь не было резона сталкиваться лбами с *САШИ*, набирающими большую силу. Кстати, впервые тогда Россия столкнулась с главной силой капитализма — деньгами, которыми американцы купили за уступку Русской Америки императорских министров и даже великого князя Константина!*

А экспедиция русских военных кораблей и захват Сандвичевых островов во времена колонизации Аляски и Калифорнии? Правда, их оттуда быстро вышибли те же американцы. А вот Александр Третий действовал умнее: сначала Манчжурия, Порт-Артур, Корея. В это же время разведка Генерального штаба активно «прошупывает» Филиппины и голландскую Индонезию. Как это наш агитпроп в школьных учебниках трогательно сочиняет про бескорыстного путешественника-этнографа Миклухо-

* См.: Яшин А. А. Ешьте крабов. Публицистика 2007-го года. Литературоведение.— М.: «Московский Парнас», 2008.— 256 с. (Очерк «Что имеем, то не ценим... К началу разбазаривания русских земель».— Прим. авт.

Маклая? — Полковника генштаба, главы русской резидентуры в Индонезии... Еще раз повторяюсь.

Все испортил Николашка Кровавый. Не сомневаюсь, что хотя его ритуально и расстреляли с семейством в Ипатьевском доме по приказу Троцкого его клеветы — но это их манера со времен Французской революции эффектно завершать разрушение империй, — однако, может, и придет время, не при мне, конечно, когда те же последыши Лейбы будут умильными слезами-соплями портретики Николая обливать. В истории масонства и тайного мироправления и не такие «чудеса» случались.

Испортил же своей глупостью именно в том смысле, что поддался на провокации Японии и начал неподготовленную войну на поражение, но даже не дал себе труда подумать или выслушать умных людей из политиков и военных: а кому это было нужно? Конечно, ни Японии, которая тогда тоже статистом оказалась, ни кайзеру, на которого все пробовали свалить. Не допер, последыш романовский, что это руководимая исподволь Америкой Антанта готовит из России мальчика для битвы, источник пушечного мяса для ее геополитического столкновения с германскими государствами и предписанного мировым масонством уничтожения последних трех империй континентальной Европы. В итоге лишились всех достижений России на Дальнем Востоке за прошлый век.

Нам пришлось все начинать заново. Все утраченное вернули в сорок пятом. Не удалось из-за американской бомбы Хоккайдо взять. Но может, это и к лучшему. Все одно море стало нашим внутренним. По сравнению с царем Александром Александровичем мы продвинулись намного дальше — это про сферы влияния: Китай, северные Корея и Вьетнам. К сожалению, натиск на тихоокеанские острова и архипелаги теперь невозможен: *США* там утвердились накрепко. Поэтому двигаться надо в Индокитай: Лаос, Камбоджа, Таиланд — вот направление «главного удара». Средства? — Как говорится, деньги наши, идеи — Маркса и Ленина, солдаты — китайские. Отчасти могут быть и вьетнамскими.

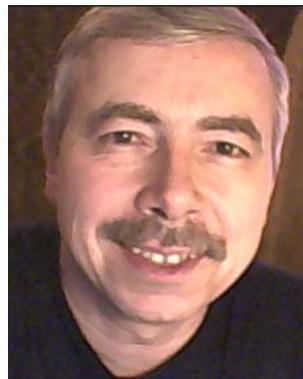
Даже оставляя аппендикс Сингапур-Малайзия англо-американцам, его так просто не возьмешь, все равно стратегическая цель осуществима: включить в свою сферу через Китай, Индокитай и собственно Индию, а также Иран, практически всю Азию. Это уже большая стратегия: две трети населения мира — вместе с *СССР* и Восточной Европой — и большая половина суши. Также Индийский океан и солидная полоса Тихого от Берингова пролива до пролива Моллукского, причем полоса, определяющая экономику и геополитику Тихоокеанского бассейна в Старом свете. Но сколько это нам стоить будет? Все азиаты — и узкоглазые, и индийские арийцы — все деньги всему на свете предпочитают. Особенно Индия нам будет дорого стоить. Во сколько один Бхилайский проект обойдется? — Никаким чаем и слонами для зоопарков они с нами не расплатятся. Вот на днях сюда, на дачу, придет их посол: чего опять сверх договорного попросит?

Это наша важнейшая задача по расширению сферы влияния на Востоке на ближайшие два десятка лет. Говоря языком агитпропа: расширение мировой системы социализма. Китай в этой нашей стратегии играет двоякую, увы, полярную роль. С одной стороны, социалистическая Поднебесная — стержень нашей азиатской, обходной по океанам, стратегии. С другой — надо очень осторожно вести китайскую политику, ибо уже через не очень далекие годы Китай возьмет курс на свою, единодержавную роль в мировой политике.

Лучше пока голову не забивать. Нужные службы уже все прослеживают. Даром хлеб с маслом или икрой у нас не едят.

Владимир Резцов
(г. Тула)

ПЕСНЯ О ГРИШКЕ ОТРЕПЬЕВЕ*

III. Дежавю

Сказание о геростратах (Продолжение)

Отец застоя**

Десять лет страну губивший
Поневоле вахту сдал.
Кукурузвельта сменивший
Восемнадцать лет проспал.

Не осмыслено былого —
Жирный минус, а не плюс:
Ведь без «подвигов» Хрущева —
Нет, не рухнул бы Союз!..

Но вникать не захотел он
Во вчерашний произвол:
Должных выводов не сделал,
Нужных мер не произвел.

Да и в будущее, впрочем,
Он избрал ущербный путь.
О соратниках хлопочем:
Чтоб не вышло что-нибудь,

В *Конституции**** клеветов
Он прикрыл с Вождем вразрез.

* Поэма имеет начало в № 4, 2012 «ПЗ»; в 2013—2016 гг. печаталась в журнале в продолжающихся отрывках.

** Период *застоя* — обозначение периода «развитого социализма» — периода в истории СССР, охватившего два десятилетия — с момента прихода к власти Л. И. Брежнева (1964) до XXVII съезда КПСС (февраль 1986). **Леонид Ильич Брежнев** (19.12.1906 — 10.11.1982) советский государственный и партийный деятель, занимавший высшие руководящие посты в СССР в течение 18 лет: с 1964 года и до своей смерти.

*** Конституция СССР («брежневская»), действовавшая с 1977 по 1991 год. Принята Верховным Советом СССР 7 октября 1977 года. **Статья 6** законодательно закрепляла руководящую и направляющую роль КПСС. Для сравнения: в «сталинской» Конституции 1936 года нет ни слова о роли партии.

Номинально — Власть Советов,
В жизни — власть КПСС.

Мыслил крайне неглубоко,
Хоть имел в душе добро.
Жизнь приемля однобоко,
Он дряхлел с Политбюро.

Ордена любил, что в сумме
Нагибали до земли.
Тихо жил и тихо умер...
Или... тоже — помогли?..

Без руля и без ветрил

Вышла власть геронтократов
Боком Родине моей.
Щедро сыпались награды,
Лился патокой елей.

В забытье ментальной лени
Обозначился откат:
Маркса верное ученье
Перевернуто в догмат.

Тем, чему учил их Сталин
(«*Без теории нам смерть!*»),
Утруждать себя не стали,
И добра не будет впредь.

Дом еще казался новым,
Но несущая стена
Управленьем бестолковым
На корню повреждена.

Нужен зодчий был, могущий
Для страны спасеньем стать
И заделать брешь в несущей,
Все отладить, залатать.

Не случилась бы погибель,
Да смысленых не нашлось,
И *косыгинское «прибыль»** —
Предпоследний в крышку гвоздь...

* **Алексей Николаевич Косыгин** (21.02.1904—18.12.1980) — Председатель Совета Министров СССР (1964—1980). В проводимой им реформе народно-хозяйственного планирования активно использовались хозяйственный расчет, **прибыль**, себестоимость, другие экономические рычаги и стимулы. Фактически, это была попытка ввести элементы рыночной экономики в плановую. Выгоды от реформы получали оборотистые руководители предприятий, а все причиненные ею убытки должно было покрывать государство (<http://politshturm.livejournal.com/28998.html>).

Что творилось повсеместно...
Утверждение молвы
Справедливо: как известно,
Рыба тухнет с головы.

Верно! Тщетны все потуги,
Коль под шляпой нет мозгов.
Ловкачи и аферюги
Разводили стариков.

Те, хозяйствуя не мудро,
На мякину поведясь,
Экономику абсурда
Сотворили. Отродясь

Свет не знал такого чуда:
Из Донбасса на Кузбасс
Поезда с углем,— оттуда...
Поезда с углем в Донбасс!

Лес в Сибирь бесстыдно гнали,
А сибирский — встречь ему.
За такое попадали
При Вожде на Колыму!

Как при бешеном Никитке,
Крытых токов дефицит.
Хлеб родится, но убытки...
Он сгнивает и горит.

Сверху план — дымят заводы,
А товару сбыта нет...
Так рулили сумасброды
Год за годом много лет.

Бестолковщина крепчала,
И в Кремле крепчал маразм
Безначального начала.
Для врагов такой соблазн...

Кто есть кто

Да... Советскую систему —
Кто по дурусти крушил,
Ну, а кто-то дяде Сэму
Тайно душу заложил.

Но у властного кормила
Дурень ворогу сродни.
Ужасающая сила,
Если рядышком они!

Вот кто денежки Народа
Прахом по ветру пускал!
Но дельцов такого рода
Штат Лубянки не искал,

Не притягивал к ответу,
Дел на них не заводил,
Не защелкивал «браслеты»,
За решетку не садил.

Где уж там! Еще Никита
Комитет всерьез подмял:
Тот щитом для партэлиты,
А не для Народа стал.

До шпионов ли, однако?
Есть работка поважней:
Где тут мыслящий инако
И крамола на вождей?

Комитетскими лихими
Круг вельможных охраним.
Что шпионы? Бог бы с ними.
Что Народ? Да черт бы с ним!

А меж тем сквозь поры, щели
Резиденты ЦРУ
В КГБ самом засели,
Поприжились ко двору

И устроили потеху!
Председатель знал о том *,
Но не стал чинить помеху,
Запустил измену в дом.

Со спецслужбою такую
Безнаказанно вполне
Любо стежкой воровскою
Изменять родной стране!

Этим делом краснобаи
В высших сферах занялись,
Но, друг дружку лобызая,
Словом «ленинцы» звались.

* «К 90-м годам относится любопытное свидетельство Юрия Власова — бывшего мирового рекордсмена-штангиста. Когда он закончил работу в архивах КГБ над китайскими дневниками своего отца... Власова принял председатель КГБ Андропов. Это были еще 70-е годы, и Власов был поражен тем, что Андропов посоветовал ему быть в контактах с его подчиненными осторожнее, потому что «центральный аппарат сильно засорен агентурой ЦРУ» (С. Кремлев, *Как пробили СССР*, «Яуза-Пресс», 2011 г.). **Юрий Владимирович Андропов** (02.06.1914—09.02.1984) — Председатель КГБ СССР (1967—1982), Генеральный секретарь ЦК КПСС (1982—1984).

На словах, однако, чей бы
Ни громить оппортунизм,
Не по Ленину — по Лейбу
Понимали коммунизм.

В жутком старческом маразме
Руководство так себе
Не во вред Отчизне разве
Помогало шантрапе?

«В духе интернационала»
Уходили деньги влет
За кордон кому попало,
Обделяя свой Народ.

Гниль

Как пустые заклинанья
Нынче лозунги ЦК,
Как предмет для осмеянья:
Ведь Народ не слеп пока!

Он без усталости трудился,
Добрый труженик Народ,
И в труде своем добился
*Небываемых** высот.

Беспримерен окрыленных
Вдохновенный мирный труд...
Что ж беднее побежденных
Победители живут?

Почему, за что опала?...
И, нашептывая гиль,
Ядом души разлагала
Диссидентской стаи гниль.

«Зря поверили в идею.
Коммунизм — химера, ложь.
Ценно то, чем я владею;
Что мое, того не трожь!

Что там «родины-отчизны»?
*Раньше думай о себе**.*
Нет богатству укорины,
Укорины голытьбе.

* «Небываемое бывает» — слова, которые Петр I приказал выбить на памятной медали, выпущенной по случаю «никогда бываемой виктории», одного из эпизодов Северной войны, когда 5 мая 1703 г. два шведских корабля были взяты в плен не военными судами, а русскими пехотинцами.

** В противовес этому духу индивидуализма советские песни воспитывали нас патриотами: «Раньше думай о Родине, а потом о себе!» («Комсомольская традиция», муз. Оскара Фельцмана, слова Игоря Шаферана)

Вон как западные немцы
Процветают! Вы же тут,
У себя, как отщепенцы:
Чем одарены за труд?

Жены ваши как одеты?
Где наряды от кутюр?
Ничего в продаже нету,
Даже с шорохом купюр.

А *фарцовщиков** гоняют —
Тех, кто благо вам несет.
Так-то вами управляет
Коммунический корогод!

Сами жрут деликатесы,
Вам же — лаптем щи хлебать.
Нет партийным интереса
Ваше пузо ублажать!

Не раскатывайте губы
На партийный каравай!
Им плевать на ваши судьбы,
Каждый сам себя спасай.

Колбаса исчезла с мясом
И доступна меньшинству?
Выше ноздри и с приплясом
За колбаской дуй в Москву!

Вам дворяне не по нраву?
Ну, а эти лучше, что ль?
Да такие ж точно, право,
Даже хуже, вот в чем соль.

Те хоть были костью белой,
Эти в прошлом — рвань и сброд,
Бесшабашный, оголтелый.
Он и сбил с пути Народ.

Что, буржуи кровососы?
Эти тоже кровь сосут
И жируют. Вы же босы,
Но: «Дашь ударный труд!»

А качать права рисковно:
Вмиг тебя за это — хватить!..

* Лица, занимающиеся фарцовкой. **Фарцовка** — сленговое название запрещенной в СССР подпольной покупки/перепродажи (спекуляции) труднодоступных или недоступных рядовому советскому гражданину дефицитных импортных товаров.

Дайте нам свободу слова,
Чтоб *совок** критиковать!

Вольный выезд за границу,
Где красивой жизни рай,
Где свободны, словно птицы,
Индивиды,— подавай!

Дайте право жить богато,
На валюту сняв запрет!..
И... хоть капельку разврата...
Что-то как-то секса нет...»

Сразу видно, что эстеты!
Либералы! «Соль земли»!
Люди творческие где-то,—
Всех тусовок короли!

Так сказать, интеллигенты —
«Совесть общества» и «цвет»...
И... влияния агенты —
Кто осознанно, кто нет.

Многих сам Хрущев когда-то
Отпускал из лагерей.
Между ними бородатый
Правдолюб из-за морей.

«Александр Исаич! Боже!
Современный *Лев Толстой* —
На него во всем похожий!»
(Если только бородой...)

Среди них такие — что ты! —
Стихотворцы-мастаки...
Словесами патриоты,
А душою — червяки!

В светлом чувстве на коленях
Кто-то клялся до икот
«*Комиссарам в пыльных шлемах*»,
А потом: «*Стреляй в Народ!*...»**

При царе — борцы со старым,
При Советах — за царя.
Ох, гнилыми их недаром
Называл Ильич! Не зря!

* Так антисоветчики презрительно называют советский строй и советского человека.

** «Мы сами вырастили их — недочеловеков с двойными душами. Вроде Окуджавы, который в молодости клялся в любви «комиссарам в пыльных шлемах», а тридцать лет спустя истерично требовал расправы над защитниками Дома Советов в 1993-м... Бескрылые, они предали и продали все. За гранты западных фондов... За доступ к микрофону на телевидении — чтоб и дальше загаживать нам мозги». (М. Калашиников, «Сломанный меч Империи», *Крымский мост — 9Д, Форум, М., 2001*).

Лучше за сто лет не стали
И, поймавши свой талант,
Кропотливо продвигали
Подлый *даллесовский план**.

*“Herba mala cito crescit”*** —
Мигом сорная трава
На худом возрастает месте,
Как по воле волшебства.

Полуправдой, полуложью
В деле хитром, непрямом,
Преуспеть вполне возможно,
Если действовать с умом.

Складно врешь, антисоветчик,
Только *врешь*, не обессудь:
Коммунист и партбилетчик —
Не одна и та же суть!

Тот, в ком совесть и отвага,
Ведал, что такое честь!
А другой за чин и блага
Норовил ужом пролезть.

Разве родственник боярам
Славный старый фронтовик?
Партбилет носил недаром,
С ним он шел на вражий штык!

То вельможи-стариканы
Долг и честь спустили вниз,
И у нас, в Союзе, кланы
Бонз партийных завелись;

По стране распространились —
По республикам, краям;
С криминалом закружились
На потеху всем чертям.

Знали, знали все на свете,
Как резвились их сынки.
Но за шалости за эти
Деток трогать не моги!

Непорочны, как иконы,
И безгрешны, как генсек.

* Аллен Уэлш Даллес (англ. **Allen Welsh Dulles**), (7 апреля 1893, Уотертаун, Нью-Йорк — 29 января 1969, Вашингтон) — американский дипломат и разведчик, руководитель резидентуры. Известен так называемый «План Даллеса», излагающий общие принципы подчинения СССР через идеологическое разращение населения, весьма откровенный по формулировкам.

** *“Herba mala cito crescit”* [*хэрба мала цито крэсцит*] — «Дурная трава быстро растет» (латинская пословица).

Все равны перед законом,
Но они — равнее всех.

Дескать, мы в особом роде,
Ну а вы пигмеи там...
И растет, растет в Народе
Глухо ненависть к верхам.

Диссидент словцо закинет —
Добывает, в сердце бьет.
И Народ не тот уж ныне:
Тот — а вроде и не тот.

Что-то в душах покачнулось.
От речей Народ устал.
Слово с делом разминулось —
И померкнул идеал.

Между душами глубоко
Бороздой пошла межа.
Притащилась издалека
Частной собственности ржа.

И проклятые мыслишки
Так и долбят день за днем:
«У одних во всем излишки,
Мы что ж лапу-то сосем?»

На работе, как пропеллер,
Все-то попусту верчусь.
Почему я не *Рокфеллер**,
Богатеть не научусь?

Он банкир, а я что, хуже?
К черту ваш коллективизм...»
Зверь дремавший вновь разбужен,
И — даешь капитализм!

И — давай! наверх! по трупам!
По родительским костям!
Горе слабым, горе глупым!
Всех, кто против, — по частям!..

Братство с Равенством зароем
В ров поглубже и венцом —
Демократию построим
«С человеческим лицом»!..

Вновь в цене бульдожья хватка.
Но не каждый лиходея:

* **Рокфеллеры** — американская семья промышленников, политиков и банкиров, одна из самых богатых семей в мире.

Если в доме нет достатка,
Кто ж охотник до идей?

Так замкнуло многих граждан
На мирке своих квартир.
Обезумели однажды,
Потеряв ориентир...

Люди! Душу сохраните!
Принесут немало бед
Обывательщины нити,
Как сказал *Большой Поэт**!..

Расправа

А вверху такая свалка —
В руководстве чехарда:
Катафалк за катафалком
И поминок череда.

Только справили поминки —
Тут же новая метла
Под себя шерстит былинки,
Беззаботно весела.

Налицо иные лица.
Часть из них за много лет
Воспитала за граница
(Вам от *Даллеса* привет...).

Банда серых кардиналов
Да прозападных «кротов».
И любой из них, шакалов,
Услужить врагу готов!

Словно черт им помогает
Сколотить Отчизне гроб!
До сих пор в глазах мелькает
Этих «лиц» калейдоскоп.

Вот *канадского фасона*
Теоретик в кураже
И *карельского масона*
Ставропольский протезе —

Богом меченный иуда...

* «Опутали революцию обывательщины нити.
Страшнее Врангеля обывательский быт.
Скорее
головы канарейкам сверните —
чтоб коммунизм
канарейками не был побит!» (В. Маяковский «О дряни», 1920 — 1921).

...Сонм людей своекорыстных,
Перевертышей кагал,
Подлых, на руку нечистых,
Власть Советскую свергал.

Во главе генсек, плетущий
Невесть что. В своем вранье
Начертал он курс, ведущий
В никуда, в небытие.

Знал бы кто, о чем он грезит,
Где свою оставил честь...
И *жена* без мыла лезет
В то, во что не надо лезть!

Рукоплещет ей заморский,
Что в Америке, обком:
Нрав имея прокурорский,
Та вертела муженьком.

И вертелся муж неслабо.
Он — изменник, не дурак —
Карты нашего Генштаба
*Сдал врагу за просто так!**

«Все твое, о друг мой новый!
Веселися и ликуй!» —
А на лысине багровый
Люциферов поцелуй...

Враг опешил: «Что за действо...
Ты с ума не соскочил?!»
За похожее злодейство
Павлов пулю получил!

За закрытыми дверями
(Кто не пьян, включай мозги!)
Стали нашими «друзьями»
Вдруг заклятые враги!

Но лиха беда начало,
А потом иди вразнос:

* Этот вопиющий факт описывает в своей книге мемуаров «**Омут памяти**» идеолог «перестройки» и один из ее «прорабов» А. Н. Яковлев: «Переговоры носили зондажный характер до тех пор, пока на одном заседании в узком составе (я присутствовал на нем) Михаил Сергеевич не вытащил на стол **карту Генштаба** со всеми грифами секретности, свидетельствовавшими, что карта подлинная. На ней были изображены направления ракетных ударов по Великобритании... Премьерша рассматривала английские города, к которым подошли стрелы, но пока еще не ракеты. Затянувшуюся паузу прервал Горбачев: «Госпожа премьер-министр, со всем этим надо кончать, и как можно скорее». «Да», — ответила несколько растерянная Тэтчер».

Не отрицает этого факта и сам Горбачев в мемуарах «**Жизнь и реформы**»... Невероятно, но Яковлев и Горбачев рассказывают о факте раскрытия сверхсекретных сведений государственной важности, как об обыденной вещи. (А. П. Шевякин, «Разгром советской державы. От «оттепели» до «перестройки», Вече, М., 2004).

Мол, идея измельчала,
Не пора ль ее под снос?

«Наш девиз — свобода слову!..
Нет, мы за социализм,
Только принять за основу
Нужно мнений *плюрализм*».

И пошла — «свобода мнений»!
Так, Хрущева превзойдя,
СМИ в садистском озверенье
Снова топчут прах Вождя.

Всюду фильмы о разврате.
Чтоб пополнить книжный шкаф,
Продается на Арбате...
Опус Гитлера «*Майн кампф*»!

Оскорблен советский воин.
Лют на Армию навал.
То злодей — из кривды скроен —
«Новым мышлением» звал!

Восхваляется безмерно
Строй буржуйский без конца.
Проникает эта скверна
В неокрепшие сердца...

«Надо начать *перестройку*, —
Гнул свое пятнистый тать: —
Прекратить в стране попойку
И *консенсус* отыскать».

Нашу Родину кошмаря,
Он — предатель, не дебил —
В антиводочном угаре
Экономику добил!

Деньги — разве что по блату.
Как живешь, рабочий люд?
Кое-где уже зарплату
Унитазами дают.

Суть недобрая в новинах.
Виноградник — под топор.
В продуктовых магазинах
Мяса нету с давних пор.

Там одни пустые полки
Или детские горшки.
И в Народе ходят толки:
Реформатор без башки.

Нет, она была на месте,
Но душа его черна.
Он с подельниками вместе
Зло творил не с бодуна.

Люди *Меченого* бойки
В состязанье, кто ловчей.
У «прорабов перестройки»
Деловитость палачей.

До развязки недалече:
Не идут дела на лад.
Чем заносчивее речи,
Тем скромнее результат.

Впрочем, кто к чему стремился.
Как-никак еще в *застой*
Класс богатых проявился,
Расшатав рабочий строй.

Привилегий поднахапав
И недвижимости впрок,
Захотелось тихой сапой
Узаконить сей порок.

«Только как? — вздыхал отступник.—
Предпосылок вроде нет.
Ведь *буржуй у нас преступник,*
Вне закона мироед...»

Гложет душеньку досада...
А виной — социализм!
Чтоб свалить... сострять надо...
Рукотворный катаклизм!

Для «удобства» населенья
Дефицит изобрести
И до градуса кипенья
Простодушных довести.

Вот тогда сказать по ходу:
Все, товарищи, тупик,—
Лгал в семнадцатом Народу
Самый главный большевик!

И захочется тупицам
Дело Ленина проклясть.
Словно зверь, толпа взъярится:
«Не хотим Советов власть!»

И посыплется Советский,
Самый справедливый, строй.
Возвернется мироедский.
Братство с Равенством — долой!

«Разве *ровня* мне рабочий?
А мужик — какой он *брат?*» —
Вот как мыслил, между прочим,
Разжиревший партократ!

Скоро станет он банкиром
И в плантаторы попрет;
Возомнив, что правит миром,
Будет грабить свой Народ...

И в республиках неладно,
Где пошел на брата брат:
Независимость парадно
Возглашают все подряд.

Там вражда в махровом цвете
И мятеж на мятеже.
И Прибалтика, заметьте,
Не Советская уже!

Братству общему неверный,
Над Отечеством глумясь,
Секретарь рескома первый
Где-то хан, а где-то князь.

Ты прислушайся, вития!
По Союзу там и тут:
«Чемодан — вокзал — Россия!»
Русских гонят и клянут.

Кровь рекой в Таджикистане,
В Карабахе... Времена...
Вся страна, как на вулкане...
Ты искал *консенсус*?! На!!!

Разворот событий адов
Под знаменами беды.
Это все твоих «прорабов»
Геростратовы труды!

Дядя Сэм снимает пенки,
Вы же — счастливы взახлеб!
Взять бы вас да к теплой стенке,
Расписав зеленкой лоб!

Проклинаемыми всеми
Будьте все до одного!
Вы, отрепьевское семя!
Вы, иудино родство!..

Пал Союз Советский скоро.
Но не сам распался он,
А убит кремлевской сворой!
Четвертован! Расчленен!

В *черный август* черным летом
Власть Советов умерла...
Где же был Народ при этом?!
Где же Армия была?!

Ведь она — *Рука* Отчизны.
А Народ? Народ — *Душа*,
Без которой в этой жизни
Жизнь не стоит ни гроша!

Но на что рука способна,
Если нету головы...
Без нее душа подобна
Темной ночью, увы...

Злой зимою сброд негодный,
Воровской являя нрав,
В Беловежье Всенародный
*Референдум растоптав**,

Ту страну, что нету лучше,
Разрубил, как рубит кат.
И погиб Союз могучий,
На республики разъят,

Через гнусное коварство,
Буйный бред башки хмельной.
Так вонзило партбоярство
В сердце нож стране родной,

Убивая в изуверстве
То, что жить должно века!
И не выдержало сердце
Старика-фронтовика... **

* 8 декабря 1991 года в Вискулях под Брестом (Беларусь) президент РСФСР Борис Ельцин, президент Украины Леонид Кравчук и председатель Верховного совета Республики Беларусь Станислав Шушкевич подписали Соглашение о распаде СССР и о создании Содружества Независимых Государств (СНГ).

Ранее, 7 марта 1991 года, состоялся референдум о сохранении Союза Советских Социалистических Республик (СССР), на котором подавляющее большинство граждан Советского Союза высказалось за сохранение Страны Советов.

** Автор приступает к работе над заключительной главой поэмы, которая получила название «Что делать?».